

история / география / этнография

Олег Ивик
Владимир Ключников

Г
уны

Ломоносовъ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

История. География. Этнография

Олег Ивик

Гунны

Издательство «Ломоносовъ»

2015

УДК 94(369.1)
ББК 63.3(0)4

Ивик О.

Гунны / О. Ивик — Издательство «Ломоносовъ»,
2015 — (История. География. Этнография)

В 70-х годах IV века восток Европы потрясло нашествие неведомого ранее племени — гуннов. Никто не знал, кто они такие и откуда пришли. Было их, вероятно, совсем немного, но напуганные ими орды варваров, обитавшие в степях Дона, Днепра и Дуная, в ужасе стронулись с места и ринулись в пределы Римской империи, положив начало великому переселению народов. Христиане называли гуннов «бичом Божиим» и считали, что они посланы им за грехи. Около ста лет хозяйничали пришельцы в Европе, соперничая в могуществе с Римом и Византией, а потом их кочевая империя рассыпалась в одночасье, и гунны исчезли столь же неожиданно, как и появились. Куда они ушли, тоже никто не знал. Лишь современная наука смогла пролить некоторый свет на происхождение гуннов и их дальнейшую судьбу. Но и сегодня далеко не все вопросы гуннской истории и археологии решены. О гуннах — их корнях, их недолгом величии и истории их изучения рассказывает эта книга. Писатель Олег Ивик и археолог Владимир Ключников собрали в ней практически все, что известно об этом загадочном народе.

УДК 94(369.1)
ББК 63.3(0)4

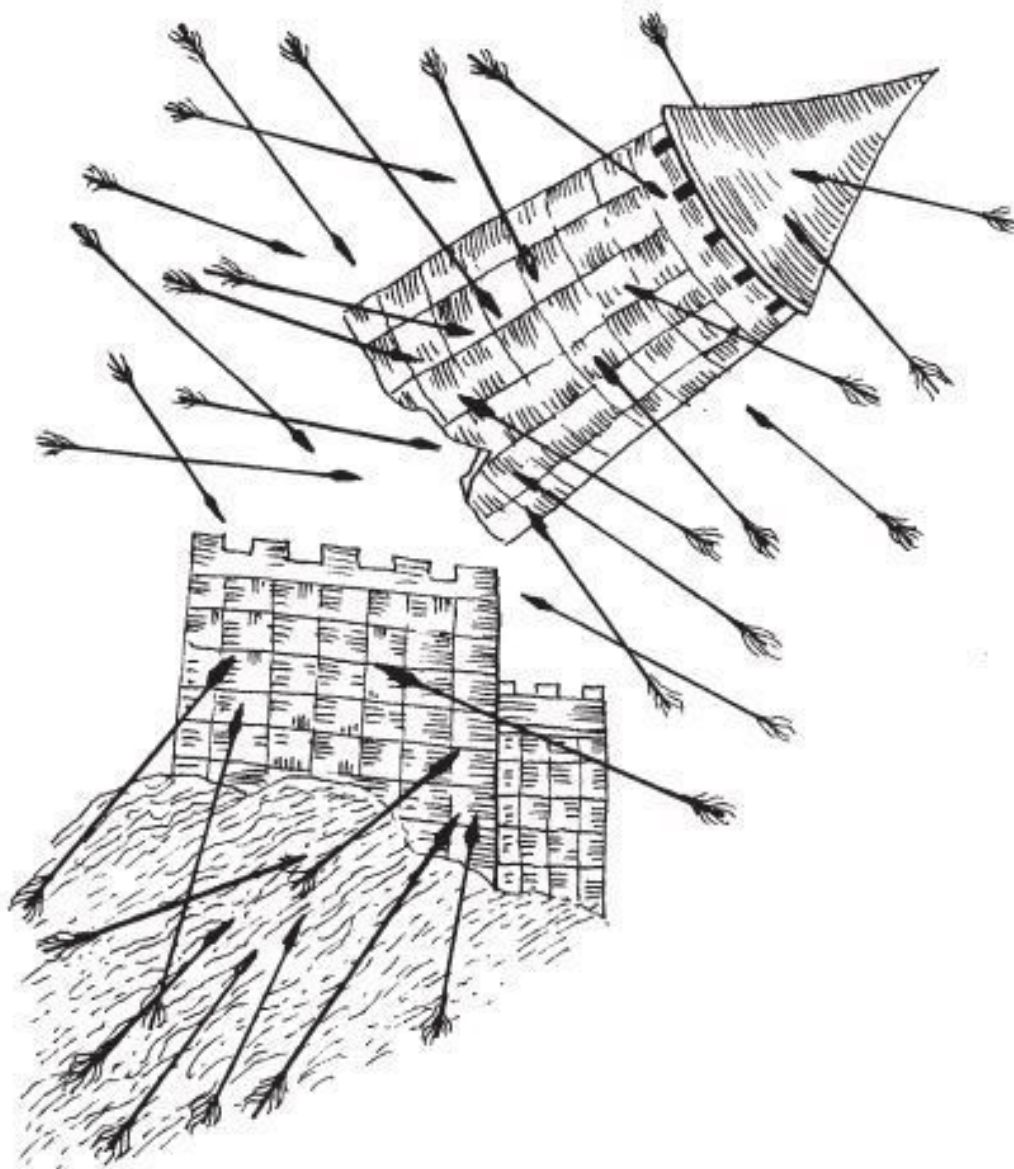
© Ивик О., 2015
© Издательство
«Ломоносовъ», 2015

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	21
Глава 3	35
Глава 4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Олег Ивик, Владимир Ключников Гунны

Пролог

Правление римского императора Валента II (364 – 378 годы) ознаменовалось многими мрачными знаменьями. По сообщению историка и современника этих событий Аммиана Марцеллина, помимо страшных предсказаний, изреченных прорицателями, в империи, которая уже вступала в последний, бесславный век своего существования, «метались собаки под вой волков, ночные птицы издавали жалобные крики, туманный восход солнца омрачал блеск утреннего дня». Тени людей, невинно убиенных соправителем Валента, его недавно умершим старшим братом Валентинианом I, «являлись многим во сне, изрекали страшные зловещие слова и наводили ужас». Однажды нашли орла с перерезанным горлом, и был сде-

лан вывод, что «смерть его знаменовала собой громадные и всеохватные бедствия общегосударственного значения». Но самым страшным, а главное, самым точным пророчеством оказались слова, найденные на каменной плите на территории Константинополя, который всего лишь полвека назад из провинциального городка Византия был превращен в новую столицу державы стараниями императора Константина Великого. Когда в пригороде столицы, Халкедоне, сносили старую стену для того, чтобы построить на ее месте приличествующую столице мира баню, в самой середине стены нашли плиту с высеченными на ней стихами. Поскольку древний провидец, вытесавший эти строки, удивительным образом сумел прозреть сквозь века, что на этом месте будет построена именно баня, а не что иное, то не было никаких оснований сомневаться и в остальном. Пророчество гласило:

Но когда влажные Нимфы по граду закружатся в пляске,
В резвом веселье вдоль улиц несясь хорошо укрепленных,
И когда стены со стоном оградой станут купанья —
В эту годину толпа несметная бранных народов,
Силой прошедши Дуная прекрасно текущего волны,
Скифов обширную область¹ и землю мизийцев² погубит.
В дерзком и диком порыве вступивши в страну пеонийцев³,
Там же и жизни конец обретет и жестокую гибель⁴.

И действительно, прошло совсем немного лет, и в 70-е годы IV века в степях Приазовья и Прикубанья появились неведомые откуда взявшиеся племена, которые, по словам Марцеллина, «превосходили своей дикостью всякую меру». «Этот подвижный и неукротимый народ, воспламененный дикой жадностью грабежа, двигаясь вперед среди грабежей и убийств, дошел до земли аланов». Пришельцы «произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе»⁵. В историю эти захватчики вошли под именем *гуннов*.

Гунны были кочевниками-скотоводами, но они не прельстились зелеными и влажными степями алан и без задержки двинулись на запад. Далеко впереди них неслась молва о том, «что неведомый дотоле род людей, поднявшись с далекого конца земли, словно снежный вихрь на высоких горах, рушит и сокрушает все, что попадает на встречу»⁶. Стронутые ими с насиженных мест народы Юго-Восточной Европы ринулись к границам империи, чтобы найти защиту под крыльями римских орлов. Рим сначала обещал беженцам свое покровительство, но не смог справиться с их потоком, и в восточных землях империи стало неспокойно. Варвары, теснимые на запад неведомыми пришельцами, в свою очередь громили восточные провинции императора Валента II и его нового соправителя Грациана.

Покорив алан, сокрушив Боспорское царство и готскую державу и выйдя в 376 году к берегам Дуная, гунны оказались на границах Римской империи.

Кто такие гунны и откуда они пришли, тогда никто доподлинно не знал. Марцеллин писал: «Племя гуннов, о которых древние писатели осведомлены очень мало, обитает за

¹ Вероятно, имеется в виду Малая Скифия, расположенная к югу от устья Дуная.

² Вероятно, имеются в виду жители Мёзии, обитавшие между Дунаем и Балканами.

³ Пеония — обычно историческая область, очень приблизительно соответствующая современной Македонии, но иногда, как в данном случае, так могли называть Паннонию — историческую область и римскую провинцию на левом берегу Дуная, занимавшую территории современных Западной Венгрии, Восточной Австрии, Восточной Хорватии и частично Словении и Сербии.

⁴ Пророчества изложены по: Amm. Marc., XXXI. 1. 2 — 5.

⁵ Amm. Marc., XXXI. 2. 1, 2. 12, 3. 1

⁶ Amm. Marc., XXXI. 3. 9.

Меотийским болотом в сторону Ледовитого океана...»⁷ Сообщение это было не слишком конкретным и еще менее точным, поскольку гунны в этих местах во всяком случае не обитали – они пронеслись через них в своем неуклонном стремлении на запад. Сегодня на север от «Меотийских болот» – так в античном мире называли Азовское море – археологи действительно находят следы пребывания гуннов, но это в основном следы, оставленные ими веком позже, когда они откатились сюда из Западной Европы после недолгого победного шествия и последующего разгрома.

С тех пор прошло более полутора тысячелетий, но вопрос о том, откуда пришли гунны, до сих пор не решен. Не решен окончательно и вопрос о том, кем были эти пришельцы, на каком языке говорили, чьи они потомки. Впрочем, несмотря на разнообразие версий и теорий, большинство ученых сегодня склоняется к мысли о том, что гунны были потомками северной ветви племен сюнну, которые начиная со II века до н. э. наводили на окраины Поднебесной примерно такой же страх, какой несколькими веками спустя гунны наводили на Европу. «Варварские» традиции сюнну ужасали китайских историков примерно так же, как цивилизованных римлян – нравы воинов Аттилы.

Авторы настоящей книги гуннами интересовались давно, что вполне естественно для археологов, работающих в нижнедонских степях. Впрочем, профессиональным археологом является только Владимир Ключников – он занимается ранним Средневековьем, прежде всего хазарами, которые были наследниками гуннов на Дону. Что же касается Олега Ивика, под этим общим псевдонимом работают два литератора – Ольга Колобова и Валерий Иванов. Оба они участвуют в литературном редактировании археологических журналов и сборников и пишут научно-популярные книги по истории и археологии. Но иногда им случается с лопатой в руках провести лето в какой-нибудь из археологических экспедиций.

Нам троим приходилось исследовать курганы самых разных народов, прошедших через Донские степи. Но вот гунны ни одному из нас не встречались ни разу. И возможно, именно поэтому они нам всегда были особо интересны. Впрочем, мы сталкивались с ними «по работе» – на страницах книг и журналов, редактированием которых нам приходилось заниматься.

После того как мы вдвоем написали книгу «Хазары», в которой гунны неоднократно упоминались, мысль о посвященной им отдельной книге возникла сама собой. Естественно, что первая глава ее должна была рассказывать о сюнну – их вероятных прародителях. Но когда мы занялись изучением этого интереснейшего народа, когда мы перечитали множество посвященных ему работ древнекитайских историков и современных археологов, мы так увлеклись сюнну, что вместо одной главы нечаянно написали о них целую книгу. В 2014 году она была опубликована в издательстве «Ломоносовъ»⁸.

А теперь мы вновь решили вернуться к гуннам. И первую главу этой книги опять решили посвятить сюнну, как уже пытались сделать когда-то. Но теперь мы расскажем о них лишь самое главное, а также то, что имеет хоть какое-то отношение к гуннам. Поэтому мы начинаем свою книгу с того, что обращаемся к северным границам Срединного государства – так называли свою родину древние китайцы. Именно здесь, с точки зрения большинства ученых, и следует искать корни народа гуннов.

⁷ Amm. Marc., XXXI. 2. 1.

⁸ Ивик О., Ключников В. Сюнну, предки гуннов, создатели первой степной империи. – М., «Ломоносовъ», 2014.

Глава 1 Сюнну

С первых веков китайской истории на северных границах Поднебесной обитали многочисленные кочевые племена – одно или, скорее, несколько из них в конце концов получили имя *сюнну*. Информацию о сюнну сохранили древние китайские хронисты, но сегодня мы уже не знаем, как звучало в их устах название этого народа, остались лишь обозначавшие его иероглифы. В современном Китае на юге страны эти иероглифы читаются «хунну», а на севере – «сюнну».

Китайские хроники в качестве предков сюнну перечисляют самые разные племена, воевавшие с жителями Поднебесной начиная с эпохи мифических Пяти императоров, правивших в третьем тысячелетии до н. э. Непрерывные войны с северными варварами привели к тому, что в конце эпохи Чжоу (с XI века по 221 год до н. э.), в дни которой Поднебесная была раздроблена на множество враждующих царств, северные царства стали сооружать на своих границах стены для защиты от ху, или хусцев – так китайцы теперь все чаще называли своих воинственных соседей (слово это могло относиться к «варварам вообще», но постепенно оно закрепилось прежде всего за сюнну⁹). Позднее, при императоре Цинь Ши-хуанди, взойшедшем на трон в 221 году до н. э., эти и другие оборонительные сооружения были объединены в Великую Китайскую стену.

В отличие от китайских хронистов, археологи до сегодняшнего дня так и не смогли решить вопрос о происхождении сюнну – археологическая культура сюнну тех времен, когда они уже доподлинно известны под этим именем, не имеет единого достоверного корня ни на северных и западных границах Китая, ни где-либо еще.

Но от кого бы ни произошли сюнну, откуда бы они ни появились, с уверенностью говорить о них как о народе можно лишь с рубежа IV и III веков до н. э. К концу IV века до н. э. относятся первые упоминания о сюнну, в которых они названы этим именем и встроены в исторический контекст. А в середине III века до н. э. сюнну уже всерьез тревожили северные царства Поднебесной. Знаменитый китайский историк II – I веков до н. э. Сыма Цянь рассказывает о том, как полководец Ли Му сдерживал их натиск на границах царства Чжао: «Погибло более 100 тысяч сюннуских конников. Он уничтожил [племена] даньлань,

⁹ Сыма Цянь. VIII. С. 384, прим. 17.

разгромил [племена] дунху, принудил сдаться [племена] линьху. Шаньюй (титул правителя сюнну. – *Авт.*) спасся бегством. В последующие десять с лишним лет племена сюнну уже не решались приближаться к пограничным городам Чжао»¹⁰.

Число погибших сюннуских конников, возможно, несколько преувеличено, но ясно, что сюнну к этому времени уже располагали огромной армией и выступали во главе целого ряда племен, которые позднее войдут в состав сюннуской державы. У них имелся единый шаньюй – хотя не исключено, что он был лишь военным вождем, а в мирное время его власть ограничивалась собственным племенем. Так или иначе, сюнну уже приблизились к созданию своего государства.

В конце III века до н. э. власть над сюнну принадлежала шаньюю по имени Тоумань. Император Цинь Ши-хуанди, объединивший под своей властью разрозненные царства, на которые пятью веками ранее распалось Срединное государство, оттеснил Тоуманя на север, отвоевал земли Ордоса в большой излучине Хуанхэ, воздвиг Великую стену и построил вдоль границы сорок четыре новых города. Но расходы по борьбе с кочевниками и по укреплению границ истощили силы Поднебесной – после смерти императора в стране вспыхнуло восстание, наследники Ши-хуанди были уничтожены, и престол захватил повстанческий вождь Лю Бан, вошедший в историю как Гао-ди (или Гао-цзу), – основатель династии Хань.

Пока китайцы занимались династическими преобразованиями, у их северных соседей тоже шла борьба за трон. Тоумань намеревался передать власть младшему сыну, рожденному любимой женой. Но старший сын, по имени Маодунь (Модэ или Моду), убил отца и объявил себя шаньюем¹¹. Это случилось в 209 году до н. э.¹²

Придя к власти, Маодунь в течение нескольких лет подчинил соседние «варварские» племена, полностью вернул сюннуские земли, отобранные императором Цинь Ши-хуанди, и установил границу с Китаем по прежней укрепленной линии в Ордосе, к югу от Хуанхэ. С тех пор, как пишет Сыма Цянь, «вся сюннуская знать и высшие сановники покорились Маодуню, посчитав его мудрым правителем». Объединив под своей властью степняков, Маодунь в 201 году до н. э. вновь обрушил всю мощь своих войск на Китай¹³.

Надо сказать, что полный разгром Поднебесной не входил в намерения Маодуня. Граница между миром кочевников и миром оседлых китайских земледельцев, которая была зафиксирована Великой стеной, довольно точно совпадала с границей природных зон: к северу лежали земли, пригодные для кочевого скотоводства, к югу было выгоднее заниматься земледелием. Кочевникам нечего было делать на исконных территориях Срединного государства. Уничтожать своего южного соседа им тоже не имело смысла: начиная с правления Маодуня и на многие века вперед Китай стал для них «дойной коровой» – сюнну грабили его пограничные земли, обеспечивая себя продуктами земледелия и ремесел. Для того чтобы хоть как-то обуздать кочевников, китайцы заключали с ними бесчисленные договоры о мире, в рамках которых посылали в степь подарки, скорее напоминавшие дань.

Забегая вперед, отметим, что примерно такую же политику по отношению к своему великому оседлому соседу – Восточной Римской империи – позднее проводил вождь гуннов Атила. Вообще нельзя не заметить определенного сходства между создателями сюннуской и гуннской держав. Оба они пришли к абсолютной власти, убив один – отца, другой – брата. Оба в кратчайшие сроки подчинили себе множество близких по образу жизни кочевых народов. Оба создали огромные, но сравнительно рыхлые державы, не имевшие четких границ, кроме одной – границы с богатым земледельческим государством, совпадавшей с границей

¹⁰ Сыма Цянь. VII. С. 260.

¹¹ Сыма Цянь. VIII. С. 327 – 328.

¹² Бичурин. Собрание сведений. I. С. 47, прим. 1.

¹³ Сыма Цянь. VIII. С. 331.

между природными зонами. Державы эти существовали в значительной мере за счет набегов на земли богатых соседей и за счет дани, которую эти соседи вынуждены были платить.

Устав от постоянных вторжений сюнну, император Гао-ди отправил к Маодуню послов, чтобы заключить «договор о мире, основанный на родстве», и предложил в жены шаньюю свою дочь. Правда, ближе к делу принцессу пожалели и вместо нее к Маодуню отправили другую девушку, выдав за дочь императора¹⁴. Вероятно, шаньюй догадался о подмене, – по крайней мере, наследником его стал сын от другой женщины. Но скорее всего, подлинность принцессы не особенно волновала Маодуня. Гораздо больше его интересовало, чтобы в степь вовремя поступали регулярные подарки, которые ему причитались согласно тому же договору.

Тем временем держава сюнну продолжала расти и крепнуть. В 176 году до н. э. Маодунь прислал императору Вэнь-ди письмо, в котором в числе прочего сообщалось: «Благодаря милостям Неба и тому, что командиры и солдаты были на высоте, а лошади в силе, [мы] смогли уничтожить юэчжи, которые были перебиты или сдались. Были усмирены также племена лоуфань, усунь, хуцзе и двадцать шесть соседних с ними владений, и все они подчинились сюнну. Так все народы, натягивающие луки со стрелами, оказались объединенными в одну семью»¹⁵.

В 174 году до н. э. Маодунь скончался¹⁶, и на престол гигантской молодой державы вззошел его сын, принявший титул Лаошан-шаньюй («Почтенный шаньюй»), – он продолжил завоевательную политику отца.

К концу правления Маодуня и в период правления Лаошан-шаньюя держава сюнну достигла пика могущества. Она занимала огромную территорию, сердцем которой (хотя и не географическим центром) были горы Иньшань к северу от Ордоса и сам Ордос в излучине Хуанхэ – исконные сюннуские земли с прекрасными пастбищами. На востоке сюннуская империя включала в себя почти всю Маньчжурию и граничила с государством Чаосянь (на севере Корейского полуострова). На севере в состав державы входили Монголия, Южное Прибайкалье, Верхний и Средний Енисей¹⁷. На западе в зависимость от сюнну попали их соседи-кочевники юэчжи, жившие к западу от Ордоса, в так называемом Ганьсуском проходе, который протянулся от юго-западного «угла» большой излучины Хуанхэ к оазисам – «царствам Западного края» в Восточном Туркестане. Лаошан окончательно разгромил и изгнал юэчжи, убив их правителя и сделав из его черепа чашу для питья¹⁸, – с тех пор Ганьсуский проход полностью принадлежал сюнну. Сами же «царства Западного края» были завоеваны еще Маодунем.

В течение примерно пятидесяти лет после завоеваний Маодуня и Лаошана границы сюннуской державы оставались практически неизменными. Неизменными в своей основе оставались и взаимоотношения сюнну с Китаем. Как только на престол восходили очередной шаньюй или император, заключался очередной договор о мире, который предусматривал отсылку в степь очередной невесты императорского рода и выплату регулярной дани. Но купленный китайцами мир обычно длился не более трех-четырех, максимум десяти лет.

В 140 году до н. э. на трон Поднебесной вззошел император У-ди, который вознамерился радикально решить сюннускую проблему силой оружия. Тридцать два года – большую часть своего правления – он истратил на то, чтобы отогнать кочевников от границ Среднего государства. Территориальные потери сюнну в войнах с императором У-ди были огромны:

¹⁴ Сыма Цянь. VIII. С. 196 – 197.

¹⁵ Сыма Цянь. VIII. С. 333.

¹⁶ Бичурин. Собрание сведений. I. С. 56.

¹⁷ Ивик, Ключников. Сюнну С. 46.

¹⁸ Сыма Цянь. IX. С. 199; Бань Гу. 1973. С. 38.

они утратили Ордос, горы Иньшань и Ганьсуский проход. Но это не изменило ситуации принципиально.

Сюнну оплакали утраченные территории, после чего стали пасти свои стада на оставшихся в их распоряжении землях. Они продолжали набеги на Китай, и, хотя укрепления, сквозь которые им приходилось прорываться, сдвинулись на север и на запад, громить их было не труднее, чем прежде. Что же касается Китая, то ему пришлось не только строить новые пограничные укрепления на новых границах, но и содержать огромное количество военнопленных. Дело в том, что китайцы традиционно не делали большой разницы между пленными и перебежчиками, они считали своим долгом поощрять и тех и других богатыми подарками и обеспечивать им приличное содержание. Возможно, это было неплохим тактическим решением в войнах с малочисленными племенами, но держава сюнну была очень многочисленна. Положение, в котором оказался злополучный У-ди, напоминает старый анекдот о том, как Китай победит Советский Союз: в первый день сдастся в плен первый миллион китайцев, во второй день – второй миллион... А через несколько дней, не выдержав этой обузы, сдастся Советский Союз... Именно такая ситуация и сложилась в войне У-ди против сюнну, только пострадавшей стороной были сами китайцы.

Война полностью истощила финансы империи, и У-ди вынужден был признать ошибочность своей политики. В так называемом «Луньтайском указе» император «раскаивался в проведении дальних походов» и сообщал, что затеял их «по неразумению»¹⁹.

Хотя Китай не слишком выиграл от многолетней войны с кочевниками, держава сюнну за эти три с лишним десятилетия тоже ослабла. В первой половине I века до н. э. здесь несколько раз случался голод. Племена, еще недавно бывшие покорными вассалами сюнну, стали совершать набеги на их земли. После смерти очередного шаньюя в 60 году до н. э. в государстве вспыхнула смута – власть и титул захватил узурпатор. Законный наследник бежал к своему тестю, который управлял небольшим подвластным сюнну народом; здесь он тоже получил титул шаньюя сюнну. В последовавшей затем гражданской войне шаньюи стали возникать, как грибы после дождя.

Смута длилась около шести лет. В конце концов в живых остались два брата – законный наследник престола, получивший при коронации имя шаньюя Хуханье, и его младший брат шаньюй Чжичжи. Тогда Хуханье обратился за помощью к Китаю, признал себя вассалом императора и обосновался на северных берегах Хуанхэ. Что же касается Чжичжи, то он после вялых попыток заключить союз с Поднебесной откочевал на север, а потом – на запад.

Впервые держава сюнну оказалась расколота надвое – условная граница пролегла между северными и южными землями. Отныне во времена любых смут на север стали стремиться вожди тех сюннуских кочевий, которые предпочитали суверенитет. На юге же со времен Хуханье оказывались те, кто готов был перейти под покровительство китайского императора. И хотя в конце концов сюнну объединились, прецедент был создан. Позднее история повторится, и противостояние южных и северных сюнну приведет к тому, что последние будут вынуждены покинуть родные степи и двинуться на запад. Так, вероятно, начнется история гуннов. Но это случится еще через полтора столетия.

А пока что, в 36 году до н. э., мятежный шаньюй Чжичжи был разбит китайскими войсками. Народ сюнну опять стал единым, но его независимости пришел конец. И хотя позднее сюнну вновь будут совершать набеги на Срединное государство и диктовать ему свои условия, их взаимоотношения с Китаем перешли в новое качество. Теперь они стали пусть не всегда покорными, но все же вассалами китайских императоров, и в случае любых внутренних распрей успех сторон определялся прежде всего их умением договориться с правителями Поднебесной.

¹⁹ Бань Гу. 1973. С. 117 – 121.

Впрочем, на некоторое, очень короткое, время сюнну сумели восстановить свой суверенитет. Гражданская война, вспыхнувшая в Китае в 20-е годы I века н. э., усилила позиции сюннуской державы. Сюнну, которые и раньше, несмотря на свое вассальное положение, периодически совершали набеги на земли Поднебесной, теперь стали отвергать прежние формулировки договоров о мире и даже намекали на то, что в новой ситуации китайский император должен стать вассалом сюннуского шаньюя. В первой половине I века н. э. сюнну снова, как в первый век своего существования, сравнивались с Поднебесной по могуществу. Но удержать эти достижения они не смогли – их державу подкосила внутренняя смута, и она рассыпалась в одночасье, хотя, казалось бы, находилась в расцвете сил.

Смута, приведшая державу к быстрому и неожиданному концу и вынудившая северных сюнну двинуться на запад, связана с неопределенностью, которая существовала у сюнну в вопросах престолонаследия.

К середине I века н. э. у них практиковались две параллельные системы наследования власти: от отца к сыну и от старшего брата к младшим, в порядке старшинства. Поначалу престол передавался от отца к сыну и лишь в виде исключения мог перейти к наследнику по боковой линии. Порядок этот был изменен шаньюем Хуханье. Перед смертью Хуханье хотел передать державу старшему сыну от главной жены, но мать наследника обратила внимание супруга на то, что ее сын «молод годами и народ не привержен к нему», и предложила возвести на трон старшего сына своей сестры, которая тоже была женой шаньюя. Хуханье согласился при условии, что новый шаньюй в дальнейшем передаст трон младшему брату, рожденному теткой. Так была узаконена новая система наследования – по боковой линии, – которая раньше практиковалась лишь в виде исключения (она получила название лествичной). С этих пор титул шаньюя последовательно переходил к сыновьям Хуханье, от старших братьев к младшим, и новый порядок наследования престола надолго вытеснил старый²⁰.

Отметим, что у гуннов тоже практиковались обе системы передачи власти, как по прямой, так и по боковой линиям; например, Аттила и его соправитель Бледа были племянниками своего предшественника. Трудно представить, чтобы у их дяди, гуннского вождя по имени Руа, не было сыновей – система многоженства практически исключала такую возможность. Тем не менее власть над гуннам перешла к племянникам вождя, причем случилось это мирно и, вероятно, вполне легитимно. Но уже Аттила, убив брата, собирался передать власть своим сыновьям.

Обычно лествичная система работала удовлетворительно лишь до тех пор, пока не умирал последний из братьев. К этому времени число его племянников от браков всех его предыдущих братьев-правителей с их многочисленными женами могло быть огромным, разобраться, кто из них всех старше по возрасту и статусу сразу, было сложно. Да и сыновья правителя совсем не обязательно отказывались от власти.

В случае с сюнну лествичная система дала сбой еще до того, как умер последний из братьев. После смерти очередного шаньюя – брата Хуханье – на престол стали претендовать его сын Пуну и один из представителей боковой линии, внук Хуханье, по имени Би. Впоследствии именно Пуну, потерпев поражение в гражданской войне, станет предводителем северных сюнну.

Держава сюнну раскололась, как и век назад. Над северными ее землями владычествовал шаньюй Пуну. В южных землях Би принял титул шаньюя и имя Хуханье, провозглашая намерение следовать политике деда и отдаться под протекторат Китая. Но если Хуханье I после завершения гражданской войны и ухода своего соперника мирно жил на оставшихся ему южных землях, то Хуханье II с первых дней своего правления начал вести агрессивную политику по отношению к северным сюнну.

²⁰ О женах, детях и наследниках Хуханье см.: *Бань Гу*. 1973. С. 43 – 45.

Зависимость южных сюнну от Поднебесной стараниями Хуханье II становилась все глубже. Теперь их шаньюй должен был простираться ниц не только перед самим императором, но и перед его послами. Как сообщает историк V века Фань Е в своем труде «История поздней династии Хань», к традиционным жертвоприношениям духу Неба южные сюнну присоединили «жертвоприношения ханьскому императору»²¹ – вероятно, имелся в виду культ почивших императоров, существовавший в Поднебесной.

Но шаньюю было щедро заплачено за унижение: общее количество подарков и продовольственной помощи превысило все, что сюнну когда-либо получали от Китая. Забегая вперед, отметим, что эта идиллия продолжалась по крайней мере полвека, не только при Хуханье II, но и при его преемниках. Правда, южным сюнну случалось совершать набеги на земли Срединного государства, но шаньюи в них были, как правило, неповинны и вместе с императорскими войсками принимали меры к подавлению мародеров.

История южных сюнну будет длиться еще достаточно долго. Они не навсегда останутся вассалами Китая – в начале IV века сюннуские шаньюи провозгласят себя китайскими императорами, преемниками династии Хань. Правда, власть их будет распространяться не на всю Поднебесную, а на ее северную часть, при этом на территории расколовшейся империи возникнет еще несколько государств, властителями которых станут сюнну – бывшие вассалы Поднебесной. Но южные сюнну нас, в рамках настоящей книги, уже не интересуют – они будут жить собственной жизнью, постепенно смешиваясь с ханьцами (то есть с этническими китайцами) и перенимая их обычаи.

Что же касается северных сюнну, к ним стоит отнестись гораздо внимательнее, несмотря на то что они начиная с середины I века н. э. оказываются на задворках истории. Ведь именно северные сюнну – точнее, небольшая их группа – три столетия спустя под именем гуннов перекроили карту Европы, сполна вознаградив себя за поражения, пережитые их предками в Азии.

Но пока что северные сюнну оказались в весьма тяжелой и печальной ситуации. Ни одна из частей расколовшейся надвое державы уже не обладала прежней мощью. Но если за спиной южных сюнну стоял могущественный Китай, северные оказались один на один и со своими южными сородичами, и с многочисленными племенами, которые раньше находились у сюнну в подчинении. Понимая это, шаньюй Пуну попытался тоже заручиться поддержкой императора Гуан-у. Он вернул на родину ханьцев, плененных ранее, и прекратил набеги на их земли. Со своими бывшими соплеменниками, которые отныне обитали в пределах китайских оборонительных рубежей, он воевал по-прежнему. Но Фань Е пишет, что когда северные сюнну вторгались в земли южных для грабежа, то на обратном пути, проходя мимо китайских наблюдательных вышек, «они извинялись и говорили: “Мы нападаем на перебежчика юцзянь жичжу (Старый титул Хуханье II. – *Авт.*), а на ханьцев нападать не смеем”»²².

Однако все эти реверансы в адрес Поднебесной остались без ответа. Теперь северные сюнну уже не представляли для империи ни особой опасности, ни даже просто интереса. Фань Е, включивший в свой труд специальное «Повествование о южных сюнну», поименно называет южных шаньюев и рассказывает о каждом из них. Но северным сюнну он отдельной главы не посвятил, и лишь три северных шаньюя названы историком по имени. Можно только гадать, как долго прожил Пуну и кто именно – сам Пуну или его наследники предпринимали неоднократные, но бесплодные попытки наладить отношения с Китаем.

В 51 году северные сюнну обратились к императору с предложением заключить «договор о мире, основанный на родстве», но тот отказался даже принять посла. Северный

²¹ Фань Е. 1973. С. 71 – 73.

²² Фань Е. 1973. С. 74.

шаньюй оказался настойчив. Он стал регулярно посылать императору «многочисленные дары» и на следующий год повторил свое предложение, присовокупив к нему просьбы о присылке музыкальных инструментов. В ответ Гуан-у отправил ему мелкие подарки, а в инструментах отказал, заявив: «...Считаю, что хорошие луки и острые мечи более необходимы, чем музыкальные инструменты».

Отметим, что к культурным запросам южных сюнну Сын Неба относился гораздо отзывчивее: за три года до этого он послал им в числе прочего музыкальные инструменты и «коляску с барабаном».

В 55 году северные сюнну направили в Поднебесную посла с теми же самыми просьбами. «В ответ им было послано письмо за императорской печатью и пожалованы шелка, но ответный посол не отправлялся».

Не получив возможности заниматься музыкой, северные сюнну последовали совету Гуан-у и стали наращивать свою военную мощь. Вскоре они совершили несколько набегов на пограничные земли, «что обеспокоило императорский двор», и в 65 году император Мин-ди (он же Сянь-цзун) согласился заключить с северными сюнну договор, которого они так долго добивались²³. Но договор этот так и не был подписан. Северный шаньюй, в отличие от южных, все еще сохранял иллюзии по поводу собственной значимости. Он потребовал, чтобы китайский посол, приехавший для заключения договора, поклонился ему, но тот отказался, в результате чего был взят под стражу и лишен еды и питья. Вернувшись в Поднебесную, посол в самых нелестных выражениях обрисовал императору северного шаньюя и его политические планы, и на этом переговоры закончились²⁴.

Среди северных сюнну теперь находилось все больше желающих поменять свободу на сытое существование подданных империи. Ежегодно на сторону южных кочевий переходило по несколько тысяч человек. А в 83 году «вожди северных сюнну, жившие у горы Саньму лоуцзы», пришли к пограничной линии с изъявлением покорности и «привели с собой 38 тыс. человек, 20 тыс. лошадей и свыше 100 тыс. голов крупного рогатого скота и овец».

В 84 году император Чжан-ди, видя окончательный крах северян, сжалился над ними, заключил договор о мире и разрешил торговать с жителями империи. Начальнику округа Увэй было приказано «пригласить северных сюнну и ласково принять их». Северяне доверились императору и погнали скот на продажу, но южные сюнну напали на них и угнали скот за укрепленную линию. А вскоре небольшая армия южан, отправившись на охоту, встретила одного из северных князей и отрубила ему голову.

Фань Е пишет: «В это время северные варвары ослабли, их сообщники отложились, южные кочевья нападали на них спереди, динлины совершали набеги сзади, сяньбийцы нападали с левой, а владения западного края теснили с правой стороны».

В 87 году в восточные земли северян вторглись сяньбийцы, они нанесли им сильное поражение, обезглавили шаньюя Юя и содрали с него кожу. В результате «северная ставка пришла в полное расстройство», и 58 кочевий – более 200 тысяч человек изъявили покорность Хань. А в следующем году те немногие, кто еще сохранял независимость, пострадали от нашествия саранчи и вызванного им голода. Новый шаньюй, «получив урок от войск южных сюнну и опасаясь динлинов и сяньбийцев, бежал далеко». Военачальники возвели на престол его старшего брата, но «народ из-за борьбы за престол между братьями рассеялся в разные стороны»²⁵.

²³ Изложено по: Фань Е. 1973. С. 74 – 78.

²⁴ История посольства описана у Фань Е. 1973. С. 150 – 151, прим. 17.

²⁵ История северных сюнну изложена по: Фань Е. 1973. С. 78 – 81.

И тогда южный шаньюй решил присоединить к себе остатки северян. Китай дал согласие на военную операцию, и в 89 году объединенная армия, состоявшая из ханьских и сюннуских отрядов и из «пограничных цянов и хусцев», выступила на северо-запад. Северный шаньюй бежал, потеряв свыше 200 тысяч человек убитыми и взятыми в плен, а союзники захватили свыше «1 млн. лошадей, крупного рогатого скота, овец и верблюдов». После этого 81 северное кочевье изъявило покорность императору.

В следующем году операцию повторили. «Напуганный до крайности» северный шаньюй смог выставить только тысячу с лишним воинов. Он «был ранен, упал с коня, снова сел на него и бежал с несколькими десятками легковооруженных всадников, сумев таким образом избежать гибели». Победители захватили яшмовую печать шаньюя, его жен и пятерых сыновей и дочерей. Восемь тысяч человек было убито, несколько тысяч взято в плен.

Казалось бы, северные сюнну были окончательно разгромлены. Тем не менее, по сообщению Фань Е, в 91 году «северный шаньюй был снова разбит <...> и бежал неизвестно куда»²⁶.

Описывая одну из этих трех последних побед (или, может быть, обобщая их), Фань Е рассказывает, как ханьские войска разгромили жертвенник, сожгли войлочные юрты, закопали в землю живыми десять сюннуских сановников, надели кандалы на руки шаньюйских жен, увековечили свои подвиги на каменной стеле и «с победными криками возвратились назад». «Испуганный шаньюй, накинув на себя войлочные одежды и боясь от страха дышать, бежал в земли усуней, после этого район к северу от пустыни обезлюдел»²⁷.

Юйчуцзянь, младший брат бежавшего шаньюя, попытался возглавить оставшихся соплеменников и отправил послов в Хань с изъяснением покорности. В ответ он получил известие о согласии и оскорбительный подарок: печать со шнуром, четыре украшенных яшмой меча и «один зонтик из птичьих перьев». Никогда еще сюннуский шаньюй не получал от Хань такого жалкого подношения. Юйчуцзянь не захотел менять свободу на зонтик из перьев – он пробыл вассалом Хань всего лишь около года и в 93 году «поднял восстание и вернулся на север». В Поднебесной решили покарать строптивца, впрочем, это было несложно: ему вдогонку была послана всего лишь тысяча воинов. Беглеца уговорили вернуться обратно, «а затем обезглавили его и уничтожили его войско»²⁸. С северными сюнну было покончено. Земли их попали под власть сяньби, которые создали к северо-западу от Поднебесной новую кочевую империю, а многие сюнну «стали называть себя сяньбийцами»²⁹. Впрочем, в хрониках вплоть до середины II века время от времени еще мелькали какие-то северные сюнну и их шаньюи. Так, в 105 году некий северный шаньюй направил в Хань посла, который «принес извинения в том, что его государство, будучи бедным, не смогло поднести подарки, предусмотренные правилами, и просил прислать посла для отправки вместе с ним сына шаньюя прислуживать императору». Однако вдовствующая императрица отправлять к сюнну своего посла не стала и сыном шаньюя не прельстилась – она лишь передала бедному соседу подарки³⁰.

Между 120 и 150 годом северные сюнну еще совершали набеги на оазисы Западного края. Но это были мелкие стычки, и упоминания о них встречаются достаточно редко³¹. Следы раздробленных северян почти полностью теряются. Но кое-что китайские хронисты о них все-таки сообщают.

²⁶ Кампании 89 – 91 гг. описаны по: Фань Е. 1973. С. 83 – 84.

²⁷ Фань Е. 1973. С. 98.

²⁸ Фань Е. 1973. С. 84 – 85.

²⁹ Фань Е. 1984. С. 71.

³⁰ Фань Е. 1973. С. 89.

³¹ Кляшторный. Степные империи. С. 37.

Записанная в VII веке китайская хроника «Бэй-ши» рассказывает про некое «Владение Юебань» (Юэбань): «Это есть аймак, прежде принадлежавший Северному хуннускому шаньюю, прогнанному китайским полководцем Дэу-Хянь». Согласно «Бэй-ши», бежавший шаньюй перешел через хребет Гинь-вэй-шань³² и «ушел на запад в Кангюй» (в сторону Сыр-дарьи) с теми, кто мог идти. А «малосильные, которые не в состоянии были следовать за ним», остались жить на своих прежних землях и образовали «Владение Юебань».

В «Бэй-ши» дается не вполне четкая информация о том, где же находился этот последний оплот «малосильных» северных сюнну – вероятно, к востоку или к северо-востоку от Балхаша³³. Но где бы ни находилась Юэбань, это государство существовало еще в середине V века³⁴.

Прежде чем окончательно проститься с народом сюнну, скажем несколько слов об этих людях: как они выглядели, на каком языке говорили, каких традиций придерживались. Ведь именно их облик, язык и традиции, трансформировавшись и обогатившись за два с половиной века, легли в основу облика, языка и традиций гуннов.

Сюнну, даже во времена их расцвета, были не слишком многочисленным народом. До распада их империи в ней, по подсчетам современных исследователей, проживало около полутора миллионов человек³⁵. Не все они были этническими сюнну – последние составляли, вероятно, меньше полумиллиона. На пять человек приходился один взрослый мужчина-воин, и, значит, сюннуское войско в лучшие времена могло насчитывать около 300 тысяч конников.

Все мужчины сюнну, чем бы они ни занимались в мирное время, были воинами и всегда находились в состоянии боевой готовности. Основой войска была конница, главным оружием – лук и стрелы. В трактате начала I века до н. э. «Спор о соли и железе» о сюнну сообщается, что «они не знают употребления длинных копий рогатиной и мощных самострелов», зато у них есть «боевые кони и добрые луки»³⁶.

Археологи подтверждают, что сюнну были прежде всего лучниками: остатки луков, стрел и колчанов найдены во многих погребениях. Кроме того, и китайские рисунки и скульптуры, и монгольские петроглифы изображают сюннуских воинов лучниками, стреляющими на скаку или скачущими с луком в налучье за спиной. Сюннуский лук был сложносо- ставным с костяными накладками и достигал полутора метров длины³⁷. Этот тяжелый даль- нобойный лук (так и называемый – «хуннского», или «гуннского», типа) именно во времена державы сюнну получил широкое распространение в среде евразийских кочевников и оказал огромное влияние на развитие у них этого вида оружия. В Европе подобные луки появились у сарматов еще до гуннского нашествия – возможно, через «третьи руки». А с IV века, с при- ходом гуннов, эти луки получают в восточноевропейских степях еще большее распростра- нение. По мнению ряда исследователей, наличие у европейских гуннов сложносоставного лука и характерных стрел сюннуского облика служит одним из аргументов в пользу родства европейских гуннов и сюнну³⁸.

На каком языке говорили сюнну, доподлинно не установлено. Единственным конкрет- ным сообщением на эту тему считается фраза из китайской хроники «Бэй-ши», где о жите-

³² Предположительно современный хребет Тарбагатай на границе Китая и Казахстана (Бичурин. Собрание сведений. III. С. 20).

³³ *Кляшторный*. Степные империи. С. 37; *Аристов*. Усуни. III. 1.

³⁴ *Бичурин*. Собрание сведений. II. С. 259 – 260.

³⁵ Материалы. 1973. С. 6.

³⁶ *Хуань Куань*. Спор. II. С. 166 – 167.

³⁷ *Никоноров, Худяков*. «Свистящие стрелы». С. 45 – 53.

³⁸ *Засецкая*. Культура кочевников. С. 152 – 153; *Никоноров, Худяков*. «Свистящие стрелы». С. 203.

лях Юэбани сказано: «Обыкновения и язык одинаковы с гаогюйскими...»³⁹. Поскольку язык гаогюйцев – это язык древних тюркских племен, многие считают, что язык сюнну тоже относился к тюркским⁴⁰. Впрочем, это – далеко не единственная точка зрения.

Что касается расовой принадлежности, сюнну – по крайней мере через какое-то время после формирования их державы – представляли собой смешение европеоидной и монголоидной рас, хотя монголоидные черты заметно доминировали. В населенных ими землях были районы, где жили в основном монголоиды, но были и контактные зоны (например, в Центральной Монголии), где расы генетически смешивались⁴¹ (то есть не только жили бок о бок, но и давали смешанное потомство). По внешнему облику сюнну отличались от китайцев: по сообщениям китайских авторов, у цзесцев (так называлось одно из сюннских кочевий) были глубоко посаженные глаза, густые бороды и высокие носы⁴² – два последних признака могут говорить о европеоидной примеси.

По образу жизни сюнну, вероятно, были типичными кочевниками-скотоводами. Сановник Чао Цо отмечал: «Варвары ху едят мясо, пьют кобылье молоко, одеваются в шкуры и мех, у них нет жилищ с полями в пределах внутренних и внешних городских стен, куда возвращаются жить. [Они] – как летающие птицы и рыскающие звери в широкой степи. Если есть прекрасные травы и вкусная вода, то они останавливаются. Если трава кончилась, вода иссякла, то они перекочевывают»⁴³.

Юрты сюнну, да и других кочевников, в те времена представляли собой плетенные из ивовых прутьев шалаши, покрытые войлоком. Каркас перевозили на колесном транспорте, не разбирая, а войлоком его покрывали в зависимости от сезона – или полностью, или только сверху. Юртой в современном смысле слова это жилище не являлось – разборная юрта появилась в середине I тысячелетия н. э.,⁴⁴ и, значит, юрты, которыми пользовались гунны, вероятно, выглядели так же.

Быт сюнну отличался простотой и аскетизмом. В «Споре о соли и железе» говорится, что сюнну не увлекаются украшением своего быта: «[Таким образом, лишняя] работа сокращена, а [изделия] годны к употреблению; их легко изготовить, но трудно испортить»⁴⁵. Тем не менее сюнну не были чужды декоративно-прикладного искусства: они делали сами и заказывали в Китае разнообразные украшения из бронзы, серебра, кости и камня, декорировали свою керамику сложными орнаментами. Если рассмотреть находки сюннского времени, сделанные археологами в некрополях одного только Северного Алтая, мы увидим десятки типов украшений.

Обычаи и нравы сюнну подробнее всего (хотя, возможно, и не вполне беспристрастно), описаны Сыма Цянем, который, как и другие китайские авторы, упрекает своих северных соседей в корыстолюбии и незнании «правил поведения и приличия»⁴⁶. Он возмущенно пишет о сюнну: «Взрослые и сильные мужчины [едят самое] жирное и лучшее, старые едят то, что остается. Они ценят мужество и силу, с пренебрежением относятся к старым и слабым»⁴⁷.

³⁹ Бичурин. Собрание сведений. II. С. 259.

⁴⁰ Кляшторный. Степные империи. С. 37 – 38.

⁴¹ Могильников. Хунну Забайкалья. С. 272 – 273; Мануйлов. Сюнну. С. 46 – 47.

⁴² Материалы. 1990. С. 16 – 17.

⁴³ Бань Гу. 2005. С. 402.

⁴⁴ Вайнштейн. Мир кочевников. С. 49 – 50.

⁴⁵ Хуань Куань. Спор. II. С. 166 – 167.

⁴⁶ Сыма Цянь. VIII. С. 323.

⁴⁷ Сыма Цянь. VIII. С. 323.

Впрочем, если сюнну плохо заботились о своих родителях, это в какой-то мере искупалось их заботой о вдовах: после смерти отца сыновья женились на мачехах, после смерти брата другие братья забирали к себе невесток⁴⁸. Этот обычай, который так возмущал китайцев, в степи был необходим: женщина, если у нее нет взрослых сыновей, не может одна справиться с кочевым хозяйством.

Интересно, что сюнну, по крайней мере северные, после своего переселения в Юэбань славились особой опрятностью. В «Бэй-ши» рассказывается, что они «ежедневно по три раза моются, и потом принимают за пищу», а также стригут волосы и подравнивают брови, «намазывая их клейстером, что придает им блестящий лоск»⁴⁹. Жители Юэбани принадлежали к тем же самым северным сюнну, которые, уйдя на запад, положили начало племени гуннов, а ранние гунны, судя по тому, что пишут о них античные авторы, ни опрятностью, ни заботой о своей внешности, мягко говоря, не славились. Возможно, их нравы поменялись за два с лишним века скитаний по чужим землям. Но не исключено и то, что быт кочевников во время военных набегов и в мирное время различался.

О религиозной жизни сюнну и по сообщениям китайских хроник, и по данным археологии известно очень мало – судя по всему, они не были фанатами веры. Сюнну верили в загробную жизнь и заботились о том, чтобы их соплеменники, отправляясь в последнее путешествие, были обеспечены всем необходимым, но ни одно святилище, ни одно культовое сооружение сюнну (кроме могил), насколько известно авторам данной книги, до сих пор не найдено, – вероятно, их было очень немного. Такое же равнодушие к религии проявляли и гунны – об этом мы подробнее расскажем позднее.

Единственная хорошо изученная сфера ритуальной жизни сюнну – это погребальный обряд. Сыма Цянь рассказывает: «Для похорон [у них] есть внутренний и внешний гроб, [с покойником кладут] золото и серебро, одежду и шубы, но [они] не насыпают могильных холмов, не обсаживают могилы деревьями и не носят траурных одежд. Когда умирает правитель, то вместе с умершим хоронят его любимых слуг и наложниц, их число достигает нескольких сотен или тысяч человек»⁵⁰.

Впрочем, археологи считают, что историк сильно преувеличил кровожадность сюнну: максимально известное количество захоронений, которые, возможно, были жертвенными, при одном «царском» кургане не превышает 27⁵¹.

Самый распространенный тип курганного сюннуского погребения – в прямоугольной глубокой (обычно до 3,5 метра) яме, на дне которой помещался прямоугольный же сруб из деревянных бревен. Внутри сруба ставился дощатый гроб с телом; покойник, как и в грунтовых погребениях сюнну, был ориентирован головой к северу. Этот тип обряда – гроб в срубе – напоминает обряд похорон, описанный Сыма Цянем. В северной части могилы, между стенками сруба и гроба или над венцами сруба укладывали жертвенную пищу, иногда – целое «стадо» крупного и мелкого рогатого скота⁵². Когда могила засыпалась землей, над ней делалась небольшая каменная вымостка диаметром 8 – 10 метров и высотой до полуметра...⁵³ «Царские» курганы выделяются среди рядовых курганов сюнну большими размерами и редкой формой – в плане они квадратные. При небольшой, обычно не более полутора метров, высоте эти насыпи имеют длину сторон 15 – 25 и более метров. К югу от насыпи

⁴⁸ Сыма Цянь. VIII. С. 336 – 337.

⁴⁹ Бичурин. Собрание сведений. II. С. 259.

⁵⁰ Сыма Цянь. VIII. С. 330.

⁵¹ Миллер и др. Погребальный комплекс сюнну. С. 55.

⁵² Могильников. Хунну Забайкалья. С. 261 – 262.

⁵³ Миняев. К топографии. С. 24.

тянется довольно длинный (5 – 20 метров) продолговатый низкий холм, который археологи иногда зовут «хвостом» или «шлейфом».

В разрезе погребение знатного сюннуса напоминало перевернутую ступенчатую пирамиду. Квадратная у поверхности яма несколькими уступами сужалась ко дну. В верхней ее части имелись разнообразные перегородки и перекрытия. Ниже шел прямоугольный колодец с почти вертикальными стенками – на его дне ставились два деревянных сруба из бревен и брусев, один в другом; внутри меньшего сруба помещался гроб с телом. Сверху срубы были дополнительно перекрыты мощным деревянным настилом, над которым после совершения погребения разжигался очистительный огонь. Видимый на поверхности земли «шлейф», или «хвост», – это засыпанный дромос, вход в погребальную камеру.

Дощатый гроб обычно был покрыт красным лаком, а внутри обтянут тканью, поверх которой дополнительно украшен «решеткой» из полосок золотой фольги с золотыми розетками в углах клеток. Стены сруба драпировались драгоценными тканями; пол устилался коврами. Посмертные дары находились в самом гробе или в северной части погребальной конструкции, в том числе между внешним и внутренним срубам. Они обязательно включали в себя части туш животных – ритуальное стадо, сопровождавшее шаньюя-скотовода в загробный мир⁵⁴.

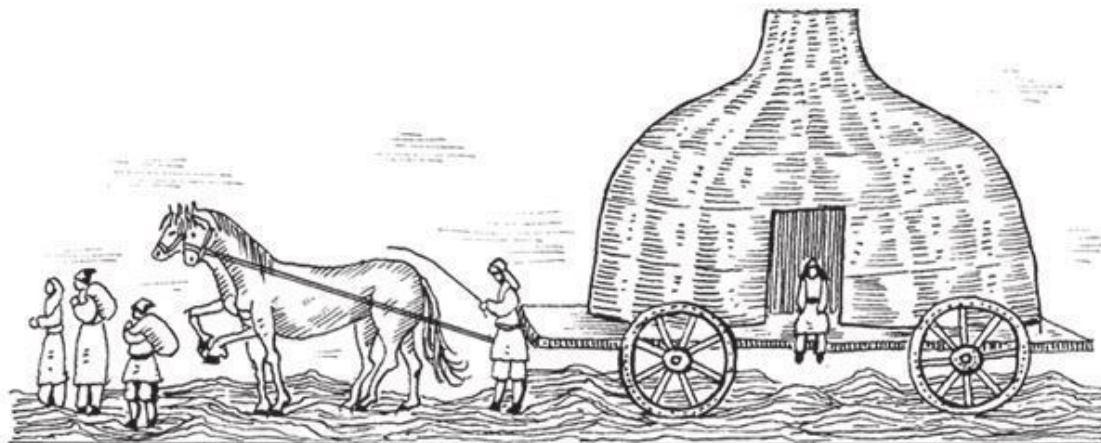
Ученые в основном сходятся на том, что конструкция ступенчатого погребального сооружения заимствована сюнну из Китая, как и некоторые другие детали обряда. Говоря о тройной погребальной камере (два сруба и гроб), а также о золотых украшениях гроба, нельзя не вспомнить свидетельство готского хрониста Иордана, о том, что Аттила был похоронен в трех гробах, один из которых был золотым⁵⁵. Возможно, Аттила, в отличие от рядовых гуннов, сохранил традиции сюннуских шаньюев.

⁵⁴ «Царский» курган описан по: *Коновалов*. Усыпальница; *Миняев*, *Сахаровская*. Элитный комплекс; *Полосьмак* и др. Двадцатый Ноин-Улинский.

⁵⁵ *Iord., Get.*, 258.

Глава 2

«Темные века» гуннской истории

Итак, как мы уже говорили, на рубеже I и II веков н. э. группа северных сюнну во главе с шаньюем ушла на запад, оставив своих «малосильных» соплеменников в Юэбани. Впрочем, возможно, это была не единственная волна переселенцев.

Незадолго до описанного в «Бэй-ши» бегства из Юэбани северные сюнну потерпели несколько сокрушительных поражений сначала от сяньбийцев, потом от южных сюнну и, наконец, от войск Поднебесной. Вспомним, что в 87 году шаньюй был убит сяньбийцами и «северная ставка пришла в полное расстройство». В 88 году следующий шаньюй «бежал далеко», а народ «рассеялся в разные стороны»⁵⁶. В 89 году под натиском южных сюнну, которыми предводительствовали китайские полководцы, «варвары рассеялись, а шаньюй бежал»⁵⁷. В 90 году некий северный шаньюй «бежал с несколькими десятками легковооруженных всадников, сумев таким образом избежать гибели». И наконец, в 91 году «северный шаньюй был снова разбит правым полковником Гэн Куем и бежал неизвестно куда»⁵⁸. Есть некоторые основания думать, что бежал он в Усунь⁵⁹. Но нет никаких оснований считать, что он задержался там надолго. Кроме того, не исключено, что поражения 88 – 91 годов терпели разные шаньюи, один за другим, и соответственно «беглых» шаньюев было несколько (не говоря уже о народе, который «рассеялся в разные стороны»).

Однако северные земли после этого не опустели, и какие-то сюнну там продолжали обитать. Напомним, что некоторые из них попали под власть сяньбийцев и постепенно смешались с ними, приняв имя победителей. Но до того как процесс ассимиляции завершился, какие-то группы их могли, спасаясь от завоевателей, откочевать на запад. Наконец, по крайней мере до середины II века существовали к северу от Китая и независимые, хотя неимущие и, вероятно, малочисленные сюнну, имевшие своего шаньюя и пытавшиеся наладить дипломатические связи с Поднебесной – в 105 году они отправили к императорскому двору посла, но Китай отделался от бедного соседа подарками.

⁵⁶ История северных сюнну изложена по: *Фань Е.* 1973. С. 78 – 81.

⁵⁷ *Фань Е.* 1973. С. 153.

⁵⁸ *Фань Е.* 1973. С. 84.

⁵⁹ *Фань Е.* 1973. С. 98; *Юй Тайшан.* Исследование.

В любой из этих групп сюнну – и среди воинов разбитых армий, и среди жителей покоренных сяньбийцами земель, и среди независимых кочевий, которые безуспешно пытались навязать свой вассалитет Китаю, – могли найтись желающие начать новую жизнь на западе. Поэтому сегодня трудно с уверенностью сказать, когда и кто из жителей развалившейся сюннуской державы бежал за пределы своих бывших владений, чтобы через два с лишним века создать новую кочевую империю на границах Европы⁶⁰. Тем более что количество эмигрантов было, вероятно, очень невелико – недаром следы их немедленно теряются.

Отметим, что некоторые ученые вообще отрицают столь дальнюю миграцию сюнну. Так, известный российский археолог С. С. Миняев считает, что сюнну в основном остались жить в пределах своих прежних кочевий, приняли имя сяньби и их последующая история связана только с Центральной Азией⁶¹.

Во всяком случае, если сюнну и скитались по Азии от границ Западного края до степей Прикаспия, они не оставили там по себе почти никакой памяти. Ни письменные источники, ни археологические данные на сегодняшний день не позволяют уверенно отождествить с сюнну или с «европейскими» гуннами ни один кочевавший в этих местах народ. Такое впечатление, что, окончательно исчезнув к середине II века из окрестностей Западного края и из китайских летописей, во второй половине IV века они сразу объявляются в Восточной Европе.

Но поскольку сюнну там все-таки объявились (а этой точки зрения придерживается сегодня большинство исследователей) и поскольку попасть в Европу они могли, только пройдя через Среднюю Азию, археологам, так или иначе, пришлось рассматривать археологические культуры этого региона через призму возможного сюннуского влияния.

Как это ни удивительно, по мере развития археологической науки достоверных следов сюнну в Средней Азии становится не больше, а меньше. Еще в середине XX века множество таких следов казались неоспоримыми. А. Н. Бернштам в своей книге «Очерк истории гуннов» перечисляет огромное количество самых разнообразных открытых в Средней Азии памятников, прежде всего погребений, которые он безусловно относит к гуннским⁶². Но уже сегодня ни один (!) из них не классифицируется как гуннский. Так, Бернштам считает гуннскими многочисленные погребения в катакомбах. Но ни азиатские сюнну, ни европейские гунны не хоронили своих покойников в могилах такой конструкции, и это мнение может основываться лишь на том, что некоторые предметы, найденные в катакомбах, напоминают сюннуские. Однако вещи могут менять хозяев, мода на них распространяется от одного племени к другому, и к таким находкам следует относиться очень осторожно.

В Семиречье со второго века нашей эры начинается расцвет кенкольской археологической культуры. По времени это «подозрительно» совпадает со временем крушения сюннуской державы. Да и регион Семиречья граничит с местами последних сражений сюнну с сяньбийцами и китайцами. Кенкольцы, так же как и сюнну, были вооружены сложносоставными луками. И луки, и наконечники стрел были сходны с сюннускими, но усовершенствованы ими⁶³. Однако их обряд погребения в катакомбе совершенно не сходен с сюннуским. Бернштам относил кенкольцев к гуннам⁶⁴. Но другие ученые склоняются к тому, что кенкольцы были местным населением, которое, самое большее, испытало влияние неких пришельцев⁶⁵.

⁶⁰ Обзор мнений см.: Юй Тайшан. Исследование.

⁶¹ Миняев. Сюнну. С. 124.

⁶² Бернштам. Очерк истории гуннов. С. 112 – 116.

⁶³ Никоноров, Худяков. «Свистящие стрелы». С. 120 – 125.

⁶⁴ Бернштам. Очерк истории гуннов. С. 102 – 103.

⁶⁵ Вайнберг, Горбунова, Мошкова. Основные проблемы. С. 28 – 29; Заднепровский. Ранние кочевники. С. 86.

Кроме кенкольских в Семиречье и сопредельных районах к настоящему времени раскопаны сотни курганов кочевников и выявлены разные формы обряда, но погребения первых веков нашей эры ученые более всего склонны связывать с усунями⁶⁶ – давними соседями, вассалами и соперниками сюнну, продолжавшими жить в этих местах и после крушения сюннуской державы.

Поскольку было распространено мнение, что часть сюнну, оказавшись в Средней Азии, стали называться эфталитами (которые известны также как белые гунны), то находки, связываемые с эфталитами, считались маркерами передвижения сюнну. Сегодня с этой точкой зрения тоже пришлось расстаться. Не говоря уже о том, что принадлежность некоторых из этих находок эфталитам тоже оспаривается.

В курганах у поселка Орлат возле Самарканда были найдены несколько костяных пластин – вероятно, детали поясного набора. На них древний художник выгравировал батальные сцены, где конные и пешие воины в шлемах и защитных панцирях бьются друг с другом на мечах и копьях и стреляют из больших луков. Причины этой битвы не вполне понятны, так как доспехи, оружие и другие детали снаряжения у бойцов в принципе сходны – вероятно, воины принадлежали к одному народу. Кочевников орлатских курганов связывали с хионитами, или эфталитами⁶⁷, и поэтому не исключалась их связь с сюнну. Тем более что кроме знаменитых пластин в некоторых орлатских погребениях были найдены стрелы, металлические и костяные детали поясов, имеющие сходство с сюннускими⁶⁸. Но дальнейшее изучение находок показало, что орлатские всадники имеют общие черты и с ираноязычными кочевниками, и даже с жителями ханьского Китая⁶⁹. Само же погребение с пластинами датируется I – II веками нашей эры⁷⁰, когда ни хиониты, ни эфталиты еще не были известны. Но все же в Средней Азии и Прикаспии есть некоторые более явные следы бежавших от границ Китая сюнну, маркирующие их путь в Европу. Прежде всего это – бронзовые литые котлы «гуннского» типа. Такие котлы и их фрагменты находят на огромных пространствах Евразии от Ордоса и Маньчжурии до Франции. Нельзя сказать, чтобы они были особо многочисленны, но, поскольку, по мнению большинства исследователей, предназначались эти котлы не для готовки, а для каких-то ритуальных целей, их малое количество и не должно вызывать удивление.

Несмотря на то что у всех котлов «гуннского» типа есть общие черты, они делятся на две большие группы. Котлы первой группы находят в Азии, они довольно разнообразны по форме и декору, что вполне естественно, ведь они бытовали здесь целых четыре столетия: со II века до н. э. по II век н. э. включительно. Котлы второго типа появляются в Европе в конце IV века, бытуют здесь же в V веке и потом, по мере ухода части гуннов из Европы, вновь появляются в Азии. Преемственность между этими двумя типами котлов особых сомнений не вызывает⁷¹. Сложнее обстоит дело с вопросом, где находились котлы (и соответственно их хозяева) с конца II по конец IV века.

В какой-то мере на этот вопрос отвечают археологические исследования в Восточном Приаралье, где среди пересохших древних русел Сырдарьи советскими археологами был открыт удивительный мир джетыясарской культуры⁷². Масштабные раскопки в этих местах удалось провести в связи с расширением космодрома Байконур. Здесь во времена расцвета

⁶⁶ Досымбаева. Усуньский археокультурный аспект. С. 545 – 548 и сл.

⁶⁷ Горелик. Защитное вооружение. С. 159; Кляшторный. Степные империи. С. 39.

⁶⁸ Маслов. О датировке изображений. С. 222 – 225.

⁶⁹ Никоноров, Худяков. «Свистящие стрелы». С. 148; Маслов. О датировке изображений. С. 226 – 229.

⁷⁰ Маслов. О датировке изображений; Симоненко. «Гунно-сарматы». С. 397.

⁷¹ О котлах «гуннского типа» см.: Боковенко, Засецкая. Происхождение котлов.

⁷² Левина. Этнокультурная история. С. 6 – 8.

сюннуской державы, вероятно, располагалось царство Кангюй⁷³. После распада империи сюнну жизнь в этом регионе продолжалась. Археологи исследовали сотни курганов, городища с плотной жилой застройкой, где были развиты керамическое и другие ремесла... В культурных слоях городищ и в некоторых погребениях археологи нашли несколько котлов сюннуского типа. Интересно, что они, в отличие от большинства котлов из других мест, были не только бронзовыми, но и керамическими. Керамические котлы трогательно похожи на своих металлических собратьев – вплоть до того, что на их поверхности скопированы совершенно ненужные в керамике «технологические» детали – заклепки и швы⁷⁴.

Джетыясарские котлы датируются примерно II – IV веками нашей эры – то есть как раз тем временем, когда бежавшие на запад сюнну исчезают из поля зрения и китайских летописей, и современных археологов. По мнению ряда ученых, это служит весомым доказательством того, что какая-то группа сюнну обосновалась здесь надолго и именно здесь провела «темные века» своей истории⁷⁵.

К бежавшим сюнну могут относиться и некоторые погребения в степях Северного Казахстана и Заволжья. В Саратовском Заволжье, среди погребений сарматской культуры, археологи исследовали любопытное погребение воина, похороненного по сарматскому обряду, но с необычным вооружением. Особенно интересен один из наконечников стрел, полностью идентичный тем, которыми пользовались хунну Монголии и Забайкалья⁷⁶. Это погребение датируется I веком н. э. и наводит на мысли, что отдельные сюнну или их группы, может быть, уже тогда достигли степей Восточной Европы.

В Карагандинской области Казахстана было раскопано погребение молодой женщины-монголоида не старше 25 лет, вооруженной палахом и стрелами⁷⁷. Такие палаши – центральноазитского происхождения⁷⁸ и, возможно, были принесены в Европу гуннами, а подобные наконечники стрел были в ходу и у сюнну, и у европейских гуннов⁷⁹. Конечно, по одному лишь вооружению нельзя определить этническую принадлежность погребенного. Но что касается карагандинской «амазонки», и ее монголоидность, и конструкция могилы не противоречат гипотезе о сюннуском происхождении воительницы (хотя и не подтверждают ее окончательно). Жила она, судя по принадлежавшим ей наконечникам стрел, в промежутке между III и V веками, и, значит, могла умереть как на пути сюнну в Европу, так и во время обратного пути гуннов в Азию.

В Средней Азии, в том числе в Северном Казахстане, археологи регулярно встречаются с погребениями и отдельные вещи, которые связывают с миром европейских гуннов. Но эти находки датируются, как правило, IV – VI веками и не относятся к «темным векам» гуннской истории. Большинство из них скорее связаны с возвращением части гуннов в Среднюю Азию после краха державы Аттилы.

В конце XX века археологами был подведен своеобразный итог поискам протогуннских памятников. По результатам дискуссии на страницах журнала «Российская археология» было отмечено, что проблема выявления этих памятников «пока не имеет удовлетворительного решения»⁸⁰.

⁷³ Левина. Памятники джетыясарской культуры. С. 61 – 62.

⁷⁴ Левина. Этнокультурная история. С. 189, 195. Рис. 65, 6, 8 – 9. Ил. 23.

⁷⁵ Мандельштам. К гуннской проблеме. С. 229 – 235; Засецкая. Культура кочевников. С. 107.

⁷⁶ Засецкая. Культура кочевников. С. 138.

⁷⁷ Бейсенов, Китов. Впускное погребение гуннского времени. С. 462 и сл.

⁷⁸ Засецкая. Культура кочевников. С. 33.

⁷⁹ Засецкая. Культура кочевников. С. 39. Рис. 4; 6.

⁸⁰ Мошкова и др. Проблемы культурной атрибуции. С. 129.

Когда именно гунны достигли восточных пределов Европы, не известно. Еще недавно среди историков было широко распространено мнение о том, что какие-то их группы появились в Европе уже во II веке. Основывалось это мнение прежде всего на сообщениях двух античных авторов: астронома и географа II века Клавдия Птолемея и его старшего современника, автора поэмы «Описание ойкумены» Дионисия Периегета.

Птолемей, перечисляя племена, обитавшие в Северном Причерноморье, сообщает: «... У поворота реки Танаиса – офлоны и танаиты, за ними – осилы до роксолан... Между бастернами и роксоланами живут хуны (χουνοι)...»⁸¹ Но Птолемей в своем труде называет множество племен и народов, причем некоторые из них более ни у кого из древних авторов не упоминаются, и сопоставить их с известными сегодня этнонимами удастся далеко не всегда. Что за «хунов» (через одно «н») имел в виду Птолемей, теперь уже никто не скажет. Жили они, судя по его сообщению, в районе Левобережья Днепра⁸² – трудно представить, чтобы потомки воинственного кочевого народа прошли не только через Азию, но и через пол-Европы и оказались в этих хорошо известных грекам и римлянам местах, никак не проявив себя по дороге. Кроме того, написание этнонима «хуны» у Птолемея отличается от написания, которое обычно использовали более поздние античные авторы – большинство из них, за редкими исключениями, писали это слово через два «н». Все это наводит на мысль, что «хуны» Птолемея к гуннам, разорившим пол-Европы, отношения не имеют⁸³.

Впрочем, некоторые исследователи считают, что Птолемей действительно писал о том народе, который позднее стал известен под именем «гунны», но в его сведения вкралась географическая ошибка, и на самом деле его «хуны» обитали значительно восточнее, в Средней Азии. Кроме того, текст самого знаменитого географа тоже допускает различные толкования, и разные ученые помещают «хунов» Птолемея и в западном Предкавказье (между Манычем и Верхней Кубанью), и на берегах Дона, и к востоку от Днепра, и в низовьях Днестра⁸⁴.

Если по поводу текста Птолемея еще возможны какие-то сомнения, то современный анализ текста Дионисия места для сомнений не оставляет – исследователи пришли к выводу, что гунны в нем не упоминаются. Правда, если раскрыть его «Описание ойкумены» в переводе девятнадцатого века, по поводу Каспийского моря там говорится: «Я расскажу теперь все о том, какие племена живут вокруг него, начавши с северо-западной стороны. Первые – скифы, которые населяют побережье возле Кронийского моря⁸⁵, по устью Каспийского моря; потом унны, а за ними каспийцы»⁸⁶.

Но «унны» эти, которых исследователи долгое время считали гуннами, возникли лишь у поздних переписчиков Дионисия⁸⁷. Византийский комментатор Евстафий в XII веке поправлял Дионисия, заявляя: «Унны, или тунны с буквой θ, – каспийский народ из племени скифов. Нужно следовать тем, которые пишут “унны” без θ...»⁸⁸ Однако Евстафий, по-видимому, все же ошибся, и в оригинальном тексте Дионисия стояло θ#vvoi; вероятно, автор имел в виду «фракийских финов» – родственных малоазийским вифинам и не имевших к гуннам абсолютно никакого отношения. В современном русском переводе Дионисия, опубликован-

⁸¹ Ptol., III. 5. 10.

⁸² Мошкова и др. Проблемы культурной атрибуции. С. 128.

⁸³ Подробнее см.: Мошкова и др. Проблемы культурной атрибуции. С. 128.

⁸⁴ Подробнее см.: Буданова и др. Великое переселение. С. 182 – 183.

⁸⁵ Имеется в виду Северный океан, берег которого античная география помещала намного южнее, чем он находится на самом деле.

⁸⁶ Dion. Per., 726 и сл., пер.: И. П. Цветков // Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Том I. Греческие писатели. СПб., 1890. С. 186.

⁸⁷ Илюшечкина Е. В. Прим. 236 // Вестник древней истории. 2006. № 2. С. 240.

⁸⁸ Eust., ad Dionys. Per. 730.

ном в 2006 году, загадочных «уннов» уже нет – их место заняли «фины»⁸⁹. Существуют и другие версии того, как именно текст Дионисия был искажен переписчиками, но все они сводятся к тому, что ни о каких гуннах речь там не шла⁹⁰.

В III веке гунны, казалось бы, вновь всплывают, на этот раз в армянских хрониках. Историк Агатангехос (или Агафангелос) упоминает их как союзников армянского царя Хосрова I Великого (217 – 238 годы), который мобилизовал гуннов в числе других племен для похода на Иран. Этот же автор сообщает, что царь Трдат III (287 – 332) «изгнал воинственных гуннов...». Но Агатангехос жил и работал в V веке, когда гунны давно уже хозяйничали в Европе. В его эпоху слова «гунн» и «кочевник» были почти синонимами, поэтому историк вполне мог называть этим именем всех кочевников северной степи. Это же касается и других армянских хронистов, «помещающих» гуннов в III и первую половину IV века, – сами они жили позднее, и в их устах слово «гунны» – явный анахронизм⁹¹.

Отметим заодно, что позднее гуннами часто называли все племена, когда#либо входившие в гуннскую империю, даже после того, как эта империя давно распалась. Кроме того, этим же словом называли и многие другие народы, имевшие с гуннами хоть какое#то сходство. Древние авторы вообще и раннесредневековые в частности обычно не слишком задавались вопросом о корректности употребления этнонимов. Поэтому гуннами у них «побывали» и кочевники-болгары, и авары, и тюрко-хазары, и венгры, и узы, и куманы, и даже турки – сельджуки и османы⁹². Как отмечает советский востоковед Б. Г. Гафуров, для западных авторов эпохи раннего Средневековья «все среднеазиатские кочевники были “гуннами”»⁹³.

С середины IV века в армянских, сирийских и византийских источниках появляются некие хиониты (хионы, хоны), они же эфталиты, которых Прокопий Кесарийский позднее называл «белые гунны». Но нет особых оснований думать, что они имели к «европейским» гуннам хоть какое#то отношение. Впрочем, поскольку уж они носили одинаковое с ними имя и поскольку их одно время считали потомками бежавших на запад сюнну и предками европейских гуннов, стоит уделить им некоторое внимание в нашей книге.

Первым⁹⁴ о народе хионитов, обитавшем по соседству с Персией, рассказал римский историк IV века Аммиан Марцеллин. Он сообщил, что в 358 году персидский царь Шапур II (у Аммиана Сапор) собрался «заключить союзный договор с хионитами и геланами, племенами, отличавшимися особой воинственностью»⁹⁵, чтобы вместе напасть на восточные провинции Римской империи. Сам историк в это время находился в действующей римской армии. Ему довелось с наблюдательного пункта следить за выступлением объединенных сил противника. Он пишет: «...Мы увидели все окружающее пространство до того, что по#гречески называется “горизонт”, заполненным несчетной массой войск, а во главе – царя (Шапура. – *Авт.*), блиставшего пурпуром своего одеяния. Рядом с ним с левой стороны ехал Грумбат, новый царь хионитов, человек средних лет, уже покрытый морщинами, правитель выдающегося ума и прославленный множеством побед»⁹⁶.

⁸⁹ Dion. Per., 730.

⁹⁰ Подробнее см.: Буданова и др. Великое переселение. С. 181 – 182.

⁹¹ Гадло. Этническая история. С. 31 – 32, 19.

⁹² Черниенко. Гунны в Европе. С. 24; Дёрфер. О языке гуннов. С. 82.

⁹³ Гафуров. Таджики. С. 255.

⁹⁴ Iranica, ст. «Chionites».

⁹⁵ Amm. Marc., XVII. 5. 1.

⁹⁶ Amm. Marc., XVIII. 6. 22.

В 359 году Марцеллин участвовал в обороне Амиды (ныне город Диярбакир на юго-востоке Турции) от объединенных войск персов и их союзников. Он подробно описал ход боевых действий и, в частности, гибель хионитского царевича от рук осажденных:

«И вот, как только рассвело, царь хионитов Грумбат, взявший на себя проведение переговоров, смело приблизился к стенам, окруженный отборным отрядом телохранителей. Когда опытный наводчик одного орудия заметил, что он находится в поле его обстрела, то натянул свою баллисту и пробил выстрелом панцирь и грудь юному сыну Грумбата, находившемуся рядом с отцом. Высоким ростом и красотой этот юноша превосходил своих сверстников. Как только он упал, все его соплеменники обратились в бегство, но вскоре вернулись, опасаясь, чтобы наши не захватили тело павшего, и нестройными криками призвали к оружию множество людей»⁹⁷. Описание хионитов, данное Марцеллином, часто приводится в качестве аргумента в споре о том, могли ли они иметь какое-то отношение к гуннам⁹⁸. Римские историки обыкновенно отзывались о гуннах как о диких и уродливых варварах, что же касается хионитов, то и их «выдающегося ума» царь, и его высокий и красивый сын совершенно не соответствуют расхожим представлениям о разорявших Европу кочевниках. Однако, с точки зрения авторов настоящей книги, это мало о чем говорит. Напуганные гуннским вторжением, летописцы могли быть несправедливы к своим завоевателям. Кроме того, по наличию в хионитской армии одного-единственного юноши, который выделялся «высоким ростом и красотой», вряд ли можно делать выводы об антропологическом типе целого народа.

Впрочем, мы тоже далеки от мысли отождествлять хионитов и гуннов. Тем более что описанный Марцеллином погребальный обряд хионитов – и это гораздо более весомый аргумент – не похож ни на сюннуский, ни на гуннский. Марцеллин так рассказывает о похоронах погибшего царевича:

«В военном облачении был он вынесен и помещен на обширном высоком помосте; вокруг было расставлено десять лож с изображениями умерших людей, которые были так хорошо изготовлены, что совершенно походили на покойных. В течение десяти дней все люди пировали, разделившись на группы по палаткам и отрядам, и пели особые погребальные песни, оплакивая царственного юношу. А женщины скорбными стенаниями по своему обычаю оплакивали надежду народа, погибшую во цвете юности <...>. Когда труп был предан огню и кости собраны в серебряную урну, чтобы, согласно воле отца погибшего юноши, отвезти их для предания родной земле, принято было на военном совете решение совершить умиловительную жертву манам⁹⁹ убитого разрушением и сожжением города, так как Грумбат не допускал самой возможности идти дальше, не отомстив за смерть единственного сына»¹⁰⁰.

Отметим, что сам Марцеллин, прекрасно знакомый с хионитами и бывший современником нашествия гуннов на Европу, не стал отождествлять эти два народа – он не проводит между ними вообще никаких параллелей.

Позднее хиониты вновь появляются в исторических трудах и хрониках, теперь уже под именем «эфталиты». На развалинах Кушанского царства, расположенного в Средней Азии и на севере современных Индии, Пакистана и Афганистана, этот народ в середине V века создал огромное государство.

Отметим, что самих кушан (точнее, кидаритов – подданных последнего кушанского царя Кидары) тоже могли называть гуннами. Приск Панийский, римский историк и дипло-

⁹⁷ Amm. Marc., XIX. 1. 7 – 8.

⁹⁸ Боровкова. Народы Средней Азии; Гафуров. Таджики. С. 257.

⁹⁹ В римской мифологии – духи умерших предков.

¹⁰⁰ Amm. Marc., XIX. 1. 10; 2. 1.

мат середины V века, пишет о войне парфян «с Уннами Кидаритами»¹⁰¹. К европейским гуннам кидариты, конечно же, отношения не имели. Вероятно, не имели они отношения и к эфталитам, которые пришли им на смену¹⁰².

Что же касается самих эфталитов, то существует мнение, что они именовали себя «хионы», или «хиониты», – недаром один из их царей чеканил монеты, на которых было написано: «Хэфтал – царь хионитов». А эфталитами их могли называть по имени правящего рода, восходящего к царю Эфталану¹⁰³. В индийских источниках эфталитов называли «хуна» (huna)¹⁰⁴.

Вероятно, сходство самоназваний двух народов и привело к тому, что хионитов традиционно отождествляли с гуннами.

Сирийский хронист начала VI века Иешу Стилист прямо писал, что Пероз, царь персидский, воевал с кионайе (вариант этнонима «хиониты»), – «т. е. с гуннами»¹⁰⁵. В том, что хиониты (эфталиты) – это гунны, не сомневался и византийский писатель первой половины – середины VI века Прокопий Кесарийский. Он сообщает: «Эфталиты являются гуннским племенем и называются гуннами...»¹⁰⁶

Известны по крайней мере две этнополитические группы эфталитов: «белые хионы» и «красные хионы»¹⁰⁷. Прокопий пишет только о «гуннском племени эфталитов, которых называют белыми». При этом он сам четко отделяет их от собственно гуннов: «...Они не смешиваются и не общаются с теми гуннами, о которых мы знаем, поскольку не граничат с ними и не расположены поблизости от них...» Прокопий так описывает быт и нравы эфталитов: «Они не кочевники, как другие гуннские племена, но издавна живут оседло на плодородной земле. Они никогда не вторгались в землю римлян, разве что вместе с мидийским войском. Среди гуннов они одни светлокожи и не безобразны на вид. И образ жизни их не похож на скотский, как у тех. Ими правит один царь, и обладают они основанным на законе государственным устройством, живя друг с другом и с соседями честно и справедливо, ничуть не хуже римлян или персов. Но богатые из них приобретают себе дружину, порой до двадцати человек, а то и больше, члены которой навсегда становятся их сотрапезниками, разделяя и все их богатства, так как в данном случае имущество у них становится общим. Когда же тот, у кого они являлись дружинниками, умирает, эти мужи по существующему у них обычаю живыми ложатся с ним в могилу»¹⁰⁸.

Сегодня специалисты разделяют мнение Прокопия о том, что эфталиты, они же хиониты, ни внешним видом, ни образом жизни на гуннов не походили. Более того, в отличие от Прокопия, современные историки полагают, что они вообще не имели к гуннам никакого отношения.

Древние китайские тексты предлагают несколько версий происхождения эфталитов (от юэцжи, от жителей Чэши и Кангюя), но и они не возводят этот народ к сюнну. Сегодня большинство ученых согласны с тем, что эфталиты были народом с индоевропейскими (иранскими) корнями¹⁰⁹. Есть предположение, что хиониты были аланским племенем¹¹⁰.

¹⁰¹ Prisc., IV. 25.

¹⁰² Майтдинова. Государство Кирпанд. С. 40.

¹⁰³ Майтдинова. Государство Кирпанд. С. 43.

¹⁰⁴ Гафуров. Таджики. С. 253.

¹⁰⁵ Ios. Styl., 9.

¹⁰⁶ Procop., Bell. Pers., I. 3. 1.

¹⁰⁷ Гафуров. Таджики. С. 260.

¹⁰⁸ Procop., Bell. Pers., I. 3. 1 – 7.

¹⁰⁹ Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. Пер. и прим.: Чекалова А. А. М., 1993. С. 460, прим. 23. О происхождении хионитов и эфталитов (которых Гафуров считает одной из ветвей хионитов) см. также: Гафуров. Таджики. С. 258 – 264.

Так или иначе, вопрос о корнях «белых гуннов» никак не проливает света на проблему корней «европейских» гуннов.

Позднеантичные и раннесредневековые авторы IV – VI веков пытались решить вопрос о происхождении европейских гуннов уже с первых лет появления этого народа на исторической арене. Но никому в те годы не приходило в голову считать их выходцами с границ Китая. В основном все придерживались того мнения, что гунны испокон века обитали в Северном Причерноморье.

Марцеллин считал, что они живут «за Меотийским болотом в сторону Ледовитого океана»...¹¹¹ Римский поэт рубежа IV – V веков Клавдий Клавдиан писал о них: «Племя это живет у дальних скифских пределов, Там, где течет Танаид»¹¹². Историк V века Филосторгий отождествлял гуннов с неврами¹¹³ – племенем, которое было описано у Геродота как северный сосед скифов¹¹⁴, и считал, что они жили «у подножия Рифейских гор, откуда берет начало Танаис, вливающий свои воды в Меотийское болото»¹¹⁵. Правда, о том, что именно называлось в древности Рифейскими горами, сегодня ведутся споры, но в основном ученые склоняются к мысли, что это Урал.

Прокопий иногда отождествлял гуннов с массагетами¹¹⁶. Он же уверял, что воинственные гуннские женщины положили начало легендам об амазонках¹¹⁷. Кроме того, тот же Прокопий утверждал, что в древности гуннов называли киммерийцами, – они обитали к востоку от Керченского пролива и «все жили в одном месте». Прокопий писал: «Как#то над ними властвовал царь, у которого было двое сыновей, один по имени Утигур, другому было имя Кутригур. Когда их отец окончил дни своей жизни, оба они поделили между собою власть и своих подданных каждый назвал своим именем. Так и в мое еще время они наименовались одни утигурами, другие кутригурами». Далее историк рассказывает о том, как племена эти, перейдя Керченский пролив, обрушились на готов и положили начало гуннскому нашествию¹¹⁸.

Племена утигуров и кутригуров, возможно, входили в состав гуннского союза. Но в том, что они издавна обитали в Причерноморье, Прокопий ошибся – эти племена стали известны не ранее середины V века¹¹⁹. Существует мнение, что это были осколки гуннов, отступивших на восток, прошедших через Крым и обосновавшихся в Приазовье уже после того, как они были разгромлены в Европе¹²⁰.

Многие позднеантичные и раннесредневековые писатели отождествляли гуннов со скифами. Впрочем, со словом «скифы» древние авторы обращались очень вольно и относили его ко множеству самых разных народов, в том числе тех, которые не имели к собственно скифам никакого отношения. Но, например, церковный писатель св. Иероним Стридонский прямо говорит, что гунны – это племя, описанное еще Геродотом под именем скифов. Правда, Иероним перефразирует рассказ Геродота достаточно вольно, но делает он это в частном письме, которое посвящено отнюдь не вопросам этнической истории Причерноморья, а добродетелям некой почившей христианки, и нельзя упрекать его в том, что он ссы-

¹¹⁰ Боровкова. Народы Средней Азии. С. 40.

¹¹¹ Amm. Marc., XXXI. 2. 1.

¹¹² Claudian., In Rufin., I. 323 – 324.

¹¹³ Philostorg., IX. 17.

¹¹⁴ Herodot., IV. 17.

¹¹⁵ Philostorg., IX. 17.

¹¹⁶ Procop., Bell. Vand., I. 4. 24.

¹¹⁷ Procop., Bell. Goth., IV. 3. 5 – 11.

¹¹⁸ Procop., Bell. Goth., IV. 5. 1 – 12.

¹¹⁹ Комар. Кутригуры и утигуры. С. 169 – 170.

¹²⁰ Артамонов. История хазар. С. 86 – 87.

ляется на «отца истории» по памяти. Самых же гуннов Иероним знал достаточно близко – ему довелось пережить их набег на Палестину в 398 году¹²¹.

Агафий Миринейский (Схоластик) – византийский поэт и историк середины VI века – тоже отождествляет гуннов со скифами. Агафий считает, что гунны «много столетий» жили на одном месте: «вокруг той части Меотидского озера, которая обращена к востоку, <...> севернее реки Танаиса»¹²².

Подобные сведения о происхождении гуннов можно найти и у других авторов, и только византийский историк и софист конца IV – начала V века Евнапий сообщает: «Никто не может сказать ничего определенного о том, откуда вышли унны, где они находились и как прошли всю Европу»¹²³.

Оригинальную концепцию происхождения гуннов выдвигает византийский историк конца V века Зосим, который, как и св. Иероним, апеллирует к Геродоту, но при этом допускает оплошность, для ученого мужа недопустимую. Он пишет: «...На жившие выше Истра скифские племена напало некое варварское племя, раньше не известное и тогда внезапно появившееся. Их называли уннами; [остается неизвестным], следует ли называть их царскими скифами, или [признать] за тех курносых (σιμους; более точный перевод: «плосконосых»)»¹²⁴. – *Авт.*) и бессильных людей, которые, по словам Геродота, жили по Истру, или они перешли в Европу из Азии»¹²⁵. Но Геродот, вопреки Зосиму, отнюдь не считал жителей северных берегов Истра ни курносыми (плосконосыми), ни бессильными – он называл таковыми не людей, а разводимых в этой местности лошадок. О сигиннах, живущих за Истром, у него сказано: «...лошади их покрыты на всем теле густыми волосами длиною до пяти пальцев в ширину; лошади малы, с раздутыми ноздрями (То же слово σιμους. – *Авт.*) и не могут носить на себе всадников...»¹²⁶ Трудно заподозрить Зосима – образованного человека и неплохого историка – в том, что он был плохо знаком с трудами «Отца истории» (тем более что сам Зосим тоже писал по-гречески). Однако факт остается фактом: текст Геродота он, употребив то же самое слово σιμους, исказил тем не менее до неузнаваемости. И здесь возникает одно занятное предположение. Дело в том, что гунны, будучи монголоидами, действительно имели, с точки зрения европейца Зосима, плоские носы. Вероятно, византийский историк каким-то образом соотнес это с текстом Геродота о плосконосых лошадах и, сознательно или бессознательно, исказил слова своего предшественника. В таком случае надо признать, что его сведения о гуннах, якобы издавна живших за Истром, скорее всего, базируются на зыбком фундаменте сходства между носами самих гуннов и носами лошадей, обитавших в тех же местах во времена Геродота.

Наиболее экзотическую версию происхождения гуннов излагает готский историк VI века Иордан. Он сообщает, что король готов Филимер, возглавлявший переселение готов в Причерноморье, когда «вступил в скифские земли», обнаружил среди своих подданных нескольких женщин-колдуний. Иордан пишет: «Сочтя их подозрительными, он прогнал их далеко от своего войска и, обратив их таким образом в бегство, принудил блуждать в пустыне. Когда их, бродящих по бесплодным пространствам, увидели нечистые духи, то в

¹²¹ Hieron., Ep. 72 (ч. 2, с. 290 – 291).

¹²² Agath., V. 11.

¹²³ Eun., Hist., 41.

¹²⁴ Σιμους – мн. число винит. падеж от σιμος. Слово σιμος традиционно переводится на русский язык двояко: курносый и плосконосый (см., например, словарь Дворецкого); однако существует мнение, что более точный перевод этого слова – плосконосый (см.: *Оленин*. Облик. С. 60).

¹²⁵ Zos., IV. 20. 3 // Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Собрал и издал с русским переводом В. В. Латышев. Том I. Греческие писатели. СПб., 1890. С. 800; оригинальный текст – там же.

¹²⁶ Herodot., V. 9. Перевод Ф. Г. Мищенко, по изданию: *Геродот*. История в девяти книгах. М., 1888. Том II, с. 4. Отметим, что в русском переводе Г. А. Стратановского слова о форме носа лошадей опущены.

их объятиях соитием смешались с ними и произвели то свирепейшее племя, которое жило сначала среди болот, – малорослое, отвратительное и сухопарое, понятное как некий род людей только лишь в том смысле, что обнаруживало подобие человеческой речи. Вот эти# то гунны, созданные от такого корня, и подступили к границам готов»¹²⁷.

Интересно, что, несмотря на столь нечестивое происхождение, гунны, по сообщению архиепископа Исидора Севильского (канонизированного Римской католической церковью), исполняли весьма богоугодную историческую роль. Святой пишет: «...Были они [гунны] бичом Божьим, и как только проявлялось Его негодование в отношении верующих, Он наказывал через них, чтобы исцеленные от уныния [верующие] сами сдерживали себя от алчности мира и греха и достигли наследства царства небесного»¹²⁸.

Мысль о том, что гунны происходят от сюнну, зародилась лишь в середине XVIII века, ее высказал отец европейской синологии француз М. Дегинь, который, будучи уверенным, что европейские «гуны» Марцеллина и варвары, обитавшие у границ Китая, это один и тот же народ, называл последних «гунами» (Huns). И это даже несмотря на то, что в китайском языке слово «гунны» (хунну, сюнну) состоит из двух иероглифов – «сюн» и «ну», то есть имеет два звука «н». Дегинь впервые предположил, что азиатские «гуны» переселились в Европу. Дегинь считал сюнну и соответственно гуннов монголами, – эта часть его теории опровергнута позднейшими исследователями. Но в том, что касается самого факта переселения, идеи Дегиня по сей день имеют множество последователей в научном мире.

В XIX веке в Европе стали широко публиковаться переводы древнекитайских рукописей. В России огромный вклад в это дело внес Н. Я. Бичурин. И он, и некоторые другие переводчики правильно транскрибировали название азиатского народа и писали его через «нн» – гунны, хунны, сюнну... Бичурин поддержал мысль о переселении хунну из Азии в Европу, хотя и сожалел, что не успел подробно исследовать эту тему.

Авторитет двух крупнейших синологов, Дегиня и Бичурина, привел к тому, что их версия стала ведущей¹²⁹. Более того, поскольку азиатские сюнну, как бы их ни называл Дегинь, однозначно транскрибируются через «нн», теперь и европейских гуннов стали писать с двумя «н». В новых переводах из Марцеллина и других латинских, греческих, армянских авторов прочно укрепилось слово «гунны», независимо от того, как оно было написано на языке оригинала.

Именно на гипотезе о миграции сюнну в Европу базируется одна из концепций Великого переселения народов. Суть ее в том, что с начала II века н. э. сюнну из Центральной Азии двинулись на запад, увлекая за собой прототюркские и угрские племена. В начале 70#х годов IV века они перешли Волгу, разгромили и частично подчинили алан, разбили готов и вышли к границам Римской империи¹³⁰. Большинство сторонников этой теории относят и сюнну, и гуннов к тюркоязычным народам и в общности языка видят одно из доказательств их родства.

Кроме того, существовали (а некоторые существуют и по сей день) и другие гипотезы происхождения европейских гуннов.

«Финская», или «тюркско-финская», гипотеза была выдвинута в XIX веке; позднее в России ее приверженцем был крупный востоковед К. А. Иностранцев, затем – Л. Н. Гумилев. Они считали, что сюнну действительно пришли из Азии на земли, лежащие к северу от Каспия, но здесь растворились среди гораздо более многочисленных финских племен, сохранив

¹²⁷ Iord., Get., 121 – 122.

¹²⁸ Isid., Hist., 29.

¹²⁹ Боровкова. Народы Средней Азии. С. 53 – 54.

¹³⁰ Об этой концепции см.: Боровкова. Народы Средней Азии. С. 54 – 55.

лишь правящую династию и этноним. Сюнну в рамках этой теории считались тюркским народом, а гунны соответственно – результатом смешения сюнну и финно-угров.

М. И. Артамонов пишет: «Относительно малочисленная хуннская орда в степях Приуралья оказалась в окружении местных, главным образом угорских племен, с которыми и не замедлила вступить в различные формы контактов. <...> Растерявшие обозы и семьи беглецы на новом месте жительства не могли обойтись без смешения с местным населением, в результате чего у нового народа угорский физический тип восторжествовал над монгольским. Западные гунны утратили многие культурные признаки своих предков и усвоили местную распространенную среди угров сарматскую культуру. Зато тюркский язык пришельцев не только сохранился у гуннов, но и получил господствующее положение у связанных с ними угорских племен. В свою очередь и угорские племена оказали влияние на этот язык...»¹³¹

Идея «растворения» сюнну среди финно-угорских племен сегодня непопулярна, но считается вполне вероятным, что финно-угры могли входить в состав гуннского союза.

«Славянская» гипотеза с самого начала носила откровенно ненаучный характер. Среди ее сторонников можно назвать знаменитого, но крайне реакционного историка Д. И. Иловайского, националистические, а часто и антинаучные взгляды которого принесли ему не самую лучшую славу. Главным доказательством того, что гунны были славянами, сторонники этой теории видели в сопоставлении некоторых собственных имен (Баламбер – Владимир, Аттила – Тилан, Бледа – Влад). Сегодня эта версия серьезными учеными даже не обсуждается.

«Кавказская» гипотеза происхождения гуннов на основании лингвистического анализа возводит их к племенам, обитавшим на Кавказе, в частности, видит их родство с лезгинами и аварами... Существует и версия, которая считает родственниками гуннов и венгров...¹³²

Челябинский археолог С. Г. Боталов предположил, что европейские гунны были потомками сюнну, откочевавших в степи Зауралья и Северного Казахстана во II веке. Здесь пришельцы, смешавшись с ираноязычными кочевниками, образовали местный, хорошо знакомый археологам, вариант позднесарматской культуры и уже в таком качестве двинулись покорять Европу¹³³. Его гипотеза была единодушно отвергнута ведущими сарматологами¹³⁴. Однако развернувшаяся по этому поводу полемика о хунно-аланских или хунно-сарматских связях была сама по себе крайне интересной. Так, А. В. Симоненко, признавая в сарматских культурах наличие «множества признаков, сближающих их с культурой хунну»¹³⁵, предположил, что какая-то часть ираноязычных кочевников длительное время соседствовала с сюнну, а потом двинулась на запад и в первом веке нашей эры оказалась в Европе под именем алан¹³⁶. Возможно, это были юэчжи – заклятые и многолетние враги сюнну. С этой точки зрения некоторое сходство сюннуской и позднесарматской культур проливает свет на происхождение алан, но не гуннов.

Л. А. Боровкова на основании письменных источников делает вывод о том, что гунны были европейским народом, обитавшим к северу от истоков Днепра и Дона. Она несколько нетрадиционно считает их светловолосыми европеоидами. Боровкова подчеркивает, что борода у гуннов не росла лишь потому, что их детям делали надрезы на щеках. Кроме того,

¹³¹ Артамонов. История хазар. С. 42 – 43.

¹³² Обзор мнений см.: Черниченко. Гунны в Европе. С. 11 – 12; Дёрффер. О языке гуннов. С. 82 – 83.

¹³³ Боталов. Хунну и гунны; Боталов, Гуцалов. Гунно-сарматы; Боталов. Гунны и тюрки.

¹³⁴ Критику см.: Мошкова. Археологические памятники; Мошкова и др. Проблемы культурной атрибуции; Малашев. Археологические памятники; Симоненко. «Гунно-сарматы»; Скрипкин. Проблема происхождения; Яценко. К дискуссии; Любчанский. Номады поздней древности; Малашев, Мошкова. Происхождение позднесарматской культуры; Безуглов. Позднесарматская культура. С м. также: Боталов. О гуннах европейских. С. 45 – 50 и сл.

¹³⁵ Симоненко. «Гунно-сарматы». С. 392.

¹³⁶ Симоненко. «Гунно-сарматы». С. 399.

они были коренасты и имели волосатые ноги – и то и другое более характерно для европейцев¹³⁷. По сообщению Марцеллина, «русоватые» аланы были «во всем похожи на гуннов»¹³⁸. Из этого исследовательница выводит заключение о том, что гунны были «белокурыми»¹³⁹. Отметим, что Н. В. Пигулевская на основании анализа того же Марцеллина делает вывод о том, что внешность гуннов «имеет характерные черты монголоидно-тюркского типа»¹⁴⁰.

Антропологи, изучавшие скелеты из погребений европейских гуннов, считают, что в их облике преобладали монголоидные черты¹⁴¹.

С точки зрения отечественного археолога-кавказоведа А. В. Гадло, гунны не были этнически едиными, он считает, что часть их была, возможно еще до переселения в Восточную Европу, связана с лесом и носила название «лесные люди» – акациры¹⁴². Авторам настоящей книги эта точка зрения представляется не слишком оправданной. Действительно, у Приска Панийского, на которого ссылается Гадло, говорится о народе акациров в составе гуннских орд. Но у того же Приска рассказывается о том, как этот народ уже во времена Атиллы стоял перед выбором: с кем заключить союз, с римлянами или с гуннами? Вопрос этот решился очень просто: Атила послал на акациров «многочисленное войско», после чего «одни из князей Акацирских были этим войском истреблены, другие принуждены покориться»¹⁴³. В этом контексте считать акациров гуннами было бы весьма странно¹⁴⁴.

Для того чтобы подтвердить «лесной компонент» у гуннов, Гадло привлекает слова Аммиана Марцеллина о том, что они «кочуют по горам и лесам». Но Марцеллин знал гуннов, ворвавшихся в Европу и движущихся к границам Римской империи. Естественно, что на этом пути они могли пересечь какие-то лесистые и гористые местности, – этот факт еще ничего не говорит о стиле гуннского хозяйства. Гораздо показательнее, что для своего постоянного проживания и для ставки своих вождей основная масса гуннов в конце концов избрала Венгерскую равнину и причерноморские степи.

Еще одно свидетельство «лесного» происхождения части гуннов Гадло видит в том, что, согласно тому же Марцеллину, гунны прикрывают тело «одеждой льняной или сшитой из шкурок лесных мышей»¹⁴⁵. Но совершенно непонятно, почему исследователь считает лен принадлежностью лесных жителей. Во-первых, лен прекрасно растет и в степях. Во-вторых, Марцеллин тут же сообщает о гуннах: «Никто у них не пашет и никогда не коснулся сохи»¹⁴⁶. Льняную одежду, популярную по всей ойкумене, гунны могли получить в результате обмена, торговли и грабежа хоть в лесной, хоть в степной зоне. Что же касается одежды из «шкурок лесных мышей» (*ex pellibus siluestrium murum*), то слово *silvestris* (дат. падеж, мн.ч. – *siluestrium*) может быть с равным успехом переведено не как «лесной», а как «степной»; пожалуй, самый точный его перевод – «дикий», «сельский»¹⁴⁷, то есть «лесной» – в

¹³⁷ Боровкова. Народы Средней Азии. С. 61, 69, 72.

¹³⁸ Amm. Marc., XXXI. 2. 21.

¹³⁹ Боровкова. Народы Средней Азии. С. 69.

¹⁴⁰ Пигулевская. Сирийские источники. С. 241.

¹⁴¹ Засецкая. Культура кочевников. С. 155.

¹⁴² Гадло. Этническая история. С. 15.

¹⁴³ Prisc., 8.

¹⁴⁴ А. Ф. Фурасев в своей прекрасной статье убедительно доказал, что «источники не дают оснований для уверенной этнической характеристики акациров» и что называть акациров, со слов Приска, восточной ветвью гуннов – «значит домысливать за автора» (Фурасев. Акациры. С. 187 – 188).

¹⁴⁵ Гадло. Этническая история. С. 15 – 16; Amm. Marc., XXXI. 2. 5.

¹⁴⁶ Amm. Marc., XXXI. 2. 19.

¹⁴⁷ Дворецкий. Латинско-русский словарь. Ст. «Silvestris».

зоне лесов и «степной» – в зоне степей. Скажем, в английском переводе Марцеллина соответствующий фрагмент переведен как «skins of field-mice»¹⁴⁸ – «шкурки полевых мышей»¹⁴⁹.

Авторам настоящей книги представляется, что есть все основания считать гуннов степняками-кочевниками.

¹⁴⁸ Пер.: С. D. Yonge, по интернет-версии: http://www.tertullian.org/fathers/ammianus_31_book31.htm.

¹⁴⁹ Отметим, что мыши, фигурирующие в русских переводах Марцеллина (*Аммиан Марцеллин*, Римская история. Пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни. М., 2005. С. 538; пер. В. В. Латышева по изданию: *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1949, № 3. С. 301) тоже вызывают некоторое сомнение, потому что слово *mus* может означать не только мышей, но и зверьков покрупнее, таких, как куница или горностай (см.: *Дворецкий*. Латинско-русский словарь. Ст. «Mus, muris»).

Глава 3

Европа накануне гуннского нашествия

История гуннов, как ни одного другого народа, теснейшим образом переплетается с историей Европы. Конечно, любое государство связано со своими соседями тысячами политических, экономических, культурных и прочих нитей, но при этом у него, как правило, есть и что-то свое: своя территория, свой народ, своя история... У гуннов до 375 года если что-то подобное и было, то мы ничего об этом не знаем. Серьезного «прошлого» у этой группки людей, возникшей «из ниоткуда» на границах Европы, попросту не могло быть, а будущее они создавали силой оружия на чужой территории, которая так и не стала их второй родиной.

У их кочевой империи не было своих исконных владений. Но и на завоеванных землях они не определили новых границ – они пронеслись по развалинам европейских государств, не слишком озадачиваясь созданием собственного. Если Маодунь, завершив свои завоевания, четко представлял, какие именно земли и народы находятся под его властью, и с гордостью писал об этом в Китай, причем территория державы в течение многих лет после этого оставалась более или менее неизменной, то гунны, пожалуй, не смогли бы похвастать ничем подобным. Границы их кочевой империи непрерывно менялись, Атиллы во все время своего правления продолжал завоевания, а после его смерти государство, которое он едва успел создать, рассыпалось в одночасье.

Само понятие «гунны» было, вероятно, еще более расплывчатым, чем «сюнну». Сюнну тоже включили в свою державу множество подчиненных племен, но они с самого начала были довольно многочисленны и, смешиваясь с завоеванными народами, все-таки доминировали среди них. О том, сколько гуннов пересекло границу Европы, не известно ничего, но их не могло быть много хотя бы потому, что они не оставили по себе почти никаких следов в Азии. А в Восточной Европе эта кучка завоевателей стала расти как снежный ком, пополняясь воинами из тех племен и народов, через земли которых они шли. В этой разнородной массе гуннов далеко не всегда можно идентифицировать – и археологически, и с точки зрения письменных источников. Не зря позднеантичные и раннесредневековые авторы очень часто гуннов называют скифами и в то же время любых кочевников охотно именуют гуннами.

Гунны не создавали свою историю – они творили историю Европы, сменяя и перекраивая ее карту. И поэтому рассказ об империи гуннов надо начать не с самих гуннов, а с Европы, которая стала колыбелью их недолговечной империи и ее же могилой.

Крупнейшим государством Европы в IV веке была Римская империя. Собственно, она была едва ли не единственным государством в современном понятии этого слова. Остальные народы или уже были завоеваны Римом, или же не пошли дальше создания племенных союзов либо крохотных королевств (в одной лишь Ирландии их было пять, причем они, в свою очередь, делились еще на 184 вассальных королевства). Что же касается Римской империи, она занимала огромные территории – около трети современной Европы, не считая провинций в Азии и Африке. В ее состав входили все европейские земли, лежащие к западу и югу от Рейна и Дуная, и большая часть острова Британия.

Но примерно за полтора века до появления на исторической арене гуннов Римская империя уже начинала рассыпаться под бременем собственных размеров. Она должна была держать огромные армии на границах, чтобы сохранять порядок на завоеванных территориях и отражать натиск варваров извне. Армии эти, удаленные от центра и не подвластные непосредственному императорскому контролю, очень часто начинали представлять самостоятельную силу и провозглашать собственных императоров.

Напомним, что когда-то «император» был лишь почетным титулом, который солдаты давали любимому полководцу после значимой победы. Но с I века н. э. титул этот стал прерогативой главы государства. Теперь солдаты, провозглашая своих «императоров», тем самым объявляли их верховными правителями. А в III веке эта практика стала массовой: в разных регионах державы, в любой из армий мог появиться император, претендовавший на римский престол. В так называемую «эпоху солдатских императоров», которая длилась с 235 по 285 год, таковых набралось до семидесяти¹⁵⁰. Некоторые из них действительно достигли верховной власти, другие успешно отхватили для себя огромные куски империи, образовав на недолгое время Галльскую империю и Пальмирское царство.

В 270 году императором был провозглашен Аврелиан, начальник конницы в придунайских войсках. Аврелиан сумел объединить расколовшееся государство и укрепить его границы. Но он был убит заговорщиками в 275 году.

Империя катилась в пропасть. Ни о какой стабильной политике, ни о каких реформах не могло быть и речи при таких коротких сроках правления. Императоры были озабочены лишь захватом и удержанием власти, а сама эта власть лишилась в глазах подданных остатков всякой сакральности¹⁵¹. О ее божественности речь уже не шла, звание принцепсов (так римляне называли своих верховных правителей) доставалось случайным людям, порою – выходцам из самых низов общества. Впрочем, принцепсы всегда считались у римлян лишь «первыми среди равных» (само это слово в переводе с латыни означает «первый») – формально страной управляли сенат и консулы, хотя их роль давно была марионеточной. Иногда императоров обожествляли после их смерти, но при жизни они, как правило, не требовали для себя божественных почестей. Два века ранее Калигула и Домициан пытались заставить сограждан титуловать себя «господином» и «богом», но новшество не прижилось среди свободолюбивых римлян¹⁵².

Однако настало время, когда окончательно расшатавшийся авторитет императорской власти надо было срочно спасать. Первую попытку в этом направлении делает Аврелиан, собравший державу из осколков, – на некоторых его монетах появляется надпись, в которой

¹⁵⁰ Сергеев. Римская империя. С. 164.

¹⁵¹ О сакральности императорской власти см.: Штаерман. Социальные основы религии. С. 171 и сл.

¹⁵² Aug. Vict., Caes., III. 9, 12; XI. 2.

он уже официально именуется богом и господином – «Deo et Domino Aureliano». Впрочем, при обращении к императору эти слова еще не употреблялись.

В 284 году императором был провозглашен сын вольноотпущенника Диоклетиан. Это произошло почти за век до того, как гунны заявили о себе в Европе. Но именно Диоклетиан заложил те принципы управления, которые позволили империи продержаться до окончательного распада еще около века и с которыми столкнулись сами гунны, вступив в войну с Римом. Поэтому на его реформах стоит остановиться особо. Во-первых, Диоклетиан решительно не захотел называться принцепсом, то есть «первым» среди сенаторов. С его правления в Риме утверждается так называемый «доминат» (от *лат.* *dominatus* – господство). Императоры отныне становились господами для своих подданных и правили ими единовластно, не требуя даже формального одобрения со стороны сената. Сенат становился не более чем декоративным органом, а империя превращалась не только фактически, но и юридически в абсолютную монархию.

Свободные римляне, предстая перед императором, теперь должны были prostиться ниц. Правители, которые этого требовали, встречались в Риме и раньше, но традиция не прививалась; отныне это стало общепринятой нормой. Аврелий Виктор пишет про Диоклетиана: «...Он первый из всех, если не считать Калигулы и Домициана, позволил открыто называть себя господином, поклоняться себе и обращаться к себе как к богу»¹⁵³.

Однако, укрепляя свою единоличную власть, Диоклетиан понимал, что держать в руках гигантскую империю одному человеку не под силу, даже если его будут именовать богом и воздавать ему божественные почести. Поэтому он внедрил так называемую тетрархию – систему, при которой империей управляли четыре властителя (верховная власть, разумеется, сохранялась за Диоклетианом). Два из них – сам Диоклетиан и Максимиан – носили титулы августов и ведали каждый своей половиной державы – она была разделена на восточную и западную части. При каждом августе состоял цезарь – младший соправитель, который получал в управление некоторые из земель, подведомственных его августу. Предполагалось, что оба августа еще при жизни, после двадцати лет правления, должны передать своим цезарям высшую власть. Забегая вперед, отметим, что в 305 году Диоклетиан и Максимиан действительно передали цезарям власть и титулы августов.

Кроме того, всю империю Диоклетиан разделил на 12 диоцезов, в свою очередь делившихся на небольшие провинции общим числом 101 (позднее их количество выросло до 120). Италия лишилась особого статуса и была разделена на два обычных диоцеда. Напомним, что еще в 212 году Каракалла даровал римское гражданство почти всем свободным жителям огромной империи. Теперь же разница в статусе центра и провинций стиралась окончательно. Диоклетиан поселился в Никомедии в Малой Азии. Что касается Максимиана, он обосновался в Милане.

Но уже в начале IV века система тетрархов рассыпалась, сметенная очередным витком гражданских войн, а империя полностью, хотя и ненадолго раскололась надвое, причем линия раздела уже привычным образом пролегла между востоком и западом. В 324 году правивший на западе Константин вновь объединил государство. Но общая тенденция деления империи на две основные части сохранялась и через семьдесят лет привела к окончательному ее расколу.

Наметилась и другая тенденция: политический центр державы смещается на восток. Константин окончательно закрепляет это, перенес столицу на берега Босфора. Здесь он заново отстраивает небольшой городок Византий и дает ему свое имя – Константинополь. Впрочем, столица империи, где бы она ни находилась, еще со времен Диоклетиана потеряла

¹⁵³ Aur. Vict., Caes., XXXIX. 4.

былое значение: теперь императоры большую часть времени проводили в военных походах, а двор сопровождал их.

В отличие от императоров, простые римляне, напротив, от армейской службы стали уклоняться. Во времена республики и ранней империи эта служба была желанна для многих: она позволяла добиться материального благополучия и была почти обязательным условием для политической карьеры. Теперь ситуация изменилась, и солдат все чаще набирали из варваров. Варвары делали карьеру с не меньшим успехом, чем природные римляне, и Аммиан Марцеллин, хотя и сгущая краски, писал о командирах одной из имперских армий в 378 году: «Все были римляне, что в наше время случается редко»¹⁵⁴.

Радикальные изменения происходили не только в политической, но и в религиозной жизни. С тех пор как Каракалла даровал гражданство жителям провинций, римские боги оказались чужими для большинства новоявленных граждан. Армия, состоявшая из варваров, отнюдь не жаждала, чтобы перед боем ее благословляли жрецы Юпитера или Квирина. Что же касается просвещенных римлян, многие из них давно склонялись к атеизму и поклонение богам воспринимали скорее как дань традиции. Впрочем, атеизм этот питался еще не прогрессом естественных наук (за почти полным отсутствием такового), а тем, что наводнившие империю сонмы римских, греческих, малоазийских и прочих богов уже не отвечали требованиям дня.

Потребность в единой наднациональной религии, которая сплотила бы население империи, назрела давно, и некоторые императоры безуспешно пытались сделать общегосударственным простой и всем понятный культ Солнца. Жрецом дневного светила объявил себя, например, Гелиогабал. Но поскольку этот юноша за четыре года правления успел ввести человеческие жертвоприношения, учредить гадания на внутренностях детей, вступить в брак с весталкой и с сыном повара и назначить на самые почетные государственные должности «тех, кто заслужил его благосклонность благодаря огромным размерам своих срамных органов»¹⁵⁵, он не сумел стать у римлян духовным авторитетом.

Позднее культ Солнца проповедовал император Аврелиан – ему это удалось несколько успешнее. Но культ этот в том или ином виде существовал на территории империи и раньше и был похож на множество других языческих культов, поэтому его внедрение прошло незаметно и революции в душах граждан не свершило. После смерти Аврелиана он сошел на нет и только в армии укрепился, слившись с культом иранского бога Митры, к которому римские солдаты почему-то питали слабость.

Уже к началу IV века христианству в империи было практически не с кем конкурировать – языческие религии сдавали свои позиции. Диоклетиан был последним императором, при котором последователям новой религии пришлось претерпеть серьезные гонения. В 311 году Галерий издал эдикт о том, что христиане вправе исповедовать свою религию при условии, что они будут молиться о благополучии государства. В 313 году императоры Константин и Лициний в своем Миланском эдикте уравнили все культы, лишив римское язычество его особого статуса государственной религии. Позднее, во все время своего правления, Константин шаг за шагом дает христианству все новые льготы и перед смертью в 337 году сам принимает крещение. С этих пор христианство если не формально, то фактически становится государственной религией империи – основные противоречия кипят уже не между христианами и язычниками, а между никейцами и арианами.

Император Юлиан, прозванный христианами Отступником, попытался возродить язычество, но новая религия пустила слишком глубокие корни на территории империи. К тому

¹⁵⁴ Amm. Marc., XXXI. 16. 8.

¹⁵⁵ SHA, XVII.

же правление Юлиана длилось всего лишь с 361 по 363 год. Его гибель положила конец реформам, и христианство вновь восторжествовало.

Забегая вперед, скажем, что в конце IV века языческие культы на территории империи были полностью запрещены стараниями императора Феодосия I, который с 381 по 392 год издал на этот счет целый ряд указов и распорядился о закрытии храмов. Поначалу его рвение распространялось только на восточную часть империи, но в 394 году он ненадолго объединил всю державу под своей властью. Когда она, всего лишь через год, вновь распалась после его смерти, теперь уже окончательно, преемники Феодосия, как на востоке, так и на западе, продолжили его религиозную политику.

От смерти Юлиана Отступника до появления гуннов на римских границах оставалось немногим более десяти лет. Это были годы, когда на территории империи утвердились тенденции, наметившиеся еще со времен Диоклетиана: язычество сдавало свои позиции, Рим более не имел статуса столицы, империя была фактически разделена надвое, и императорам, которые были не в состоянии из единого центра управлять огромной державой, приходилось назначать себе соправителей.

В 364 году Валентиниан I, взойдя на престол, сделал соправителем-августом своего брата Валента II и отдал ему восточную часть империи. Через одиннадцать лет Валенту суждено было пасть одной из первых жертв гуннского нашествия (правда, погиб он в битве не с гуннами, а с готами, которых гунны вытеснили к римским границам). Столицей Валентиниана стал Милан, Валента – Константинополь.

Валентиниану I не пришлось засиживаться в Милане – как сообщает Аммиан Марцеллин, он «с самого начала своего правления пламенел похвальным, но и переходившим через край старанием укреплять границы»¹⁵⁶. Впрочем, на окраинах империи действительно было неспокойно. Марцеллин пишет:

«В это время по всему римскому миру, словно по боевому сигналу труб, поднялись самые свирепые народы и стали переходить ближайшие к ним границы. Галлию и Рэцию одновременно грабили аламанны¹⁵⁷; сарматы и квады – обе Паннонии¹⁵⁸; пикты, саксы, скотты и аттакотты терзали непрерывными бедствиями Британию; австорианы и другие пле-

¹⁵⁶ Amm. Marc., XXIX. 6. 2.

¹⁵⁷ Они же алеманы.

¹⁵⁸ Первоначально Паннонией называлась римская провинция на левом берегу Дуная, занимавшая территории современных Западной Венгрии, Восточной Австрии, Восточной Хорватии и частично Словении и Сербии. Позднее она была разделена Траяном на Верхнюю и Нижнюю Паннонии. Диоклетиан, в свою очередь, разделил Верхнюю Паннонию на Паннонию Приму (на севере) и провинцию Савия; Нижняя Паннония превратилась в провинцию Валерия (на севере) и Паннонию Секунду. Таким образом, на территории исторической области Паннония образовалось четыре провинции. Они вместе с провинциями Далмация, Норик Прибрежный и Норик Внутренний входили в более крупную административную единицу, которая называлась диоцез. Этот диоцез тоже носил имя Паннония. В 395 году диоцез переименовали в Иллирик (не путать с префектурой Иллирик, которая включала в себя в основном Грецию). С этого времени Паннониями в узком смысле называли лишь две провинции: Прима и Секунда. Но в широком смысле так могли называть все четыре провинции, на которые была разделена первоначальная Паннония. Это же слово могло относиться и к территории бывшего диоцеза Паннония – то есть к семи провинциям. Древние авторы далеко не всегда заморачиваются этими тонкостями. Чаще всего они говорят о Паннонии, не уточняя, что именно они имеют в виду под этим словом. Современные авторы нередко следуют их примеру. А в том случае, когда они пытаются разобраться, о какой конкретно территории идет речь, это вырастает в отдельное научное исследование, обычно – спорное. Историки до сих пор не могут прийти к однозначному мнению, какие из всех перечисленных выше провинций и в какое время попадали под власть гуннов (См., например: *Менхен-Хельфен*. История и культура гуннов. С. 90; *Gračanin*. The Huns. P. 35). Авторы настоящей книги, поскольку она не является научным трудом и рассчитана на широкого читателя, предполагают не вдаваться в эти подробности без особой необходимости. Тем более что с того момента, как на территорию Паннонии вторглись варвары, понятие границ между ее частями стало условным. Трудно представить, чтобы готы, аланы или гунны, воюя с римлянами или кочуя со своими стадами по берегам Дуная, останавливались перед пограничными столбами. Поэтому авторы настоящей книги, если это не оговорено особо, под Паннонией имеют в виду историческую область без четко определенных границ.

мена мавров сильнее обычного тревожили Африку; Фракию грабили разбойнические шайки готов. Царь персидский пытался наложить свою руку на армян...»¹⁵⁹

Все эти волнения еще не имели отношения к появлению гуннов, но в империи и без гуннов было беспокойно. Практически все двенадцать лет своего правления Валентиниан I сражался с германскими племенами аламаннов, которые в 365 году вторглись в Галлию. В Северной Галлии он отражал нападения саксов и франков. В Британии – руками Феодосия (отца будущего императора Феодосия I) разбил пиктов и восстановил римские владения вплоть до вала Антонина, пересекающего Шотландию. В Африке Валентиниан, с помощью того же Феодосия, подавил восстание Фирма. В начале 70#х годов сарматы и их частые союзники, германское племя квадов, перешли Дунай и стали опустошать Паннонию. В ответ Валентиниан вторгся в земли квадов и стал истреблять варваров «без различия пола и возраста»¹⁶⁰. Этот поход стал последней военной операцией западной части империи в «догуннскую» эпоху – в 375 году император умер от удара во время встречи с послами квадов.

На востоке империи с 364 года правил брат Валентиниана I – Валент II. Ему тоже досталось не самое спокойное политическое наследство. Сначала он умирлял вспыхнувший в столице мятеж Прокопия – двоюродного брата Юлиана Отступника. Прокопий привлек на свою сторону армию и захватил несколько провинций. Разделаться с самозванцем Валенту удалось несмотря на то, что Прокопия поддерживали готы. Но теперь августу надлежало покарать самих готов, что он и сделал. Он разбил войско готского короля Атанариха и заключил с ним мир.

На восточных границах от Валента тоже потребовалось немедленное вмешательство. Персы вторглись в Армению, которая входила в сферу римского влияния, и Валент по просьбе армянского принца Папа послал ему на помощь войска. Армянской проблемой император занимался с 369 по 371 год. В 375 году вспыхнул бунт в Западной Киликии. Тогда же войска арабской царицы Мавии захватили Аравию и Палестину и достигли границ Египта. Валент урегулировал этот конфликт и заключил мир с Мавией. Но тут до него дошло известие о смерти брата Валентиниана I, августа запада.

Валентиниану I наследовали сыновья – шестнадцатилетний Грациан, бывший его соправителем на западе, и Валентиниан II, которого солдаты провозгласили императором после смерти отца, когда мальчику было четыре года. Таким образом, у руля империи оказалось два властителя (четырёхлетнего ребенка можно не считать). Про одного из них, Валента II, Марцеллин писал: «...Трудно решить, принадлежал ли он к хорошим или к дурным государям...»¹⁶¹ Впрочем, тот же Марцеллин сообщает, что император «был мало образован», несведущ в военном деле, корыстолюбив, раздражителен, ленив и нерешителен... К тому же он славился тем, что был «одержим страстью к грабежу чужого имущества»¹⁶². Что касается Грациана, это был подросток, про которого римский историк IV века Аврелий Виктор писал, что он «был бы полон всякой добродетели, если бы направил свой ум к познанию искусства управления государством; но он чуждался этого...»¹⁶³

Именно Валенту II и Грациану довелось принять на себя натиск с востока. В тяжелый для римлян 375 год в империю доходят сообщения о появлении на краю ойкумены неведомого племени гуннов.

¹⁵⁹ Amm. Marc., XXVI. 4. 5.

¹⁶⁰ Amm. Marc., XXX. 5. 13.

¹⁶¹ Amm. Marc., XXX. 7. 4.

¹⁶² Amm. Marc., XXVI. 6. 6.

¹⁶³ Aur. Vict., epit. Caes., 47.

Помимо Римской империи существовали в Европе и другие народы и политические силы, с которыми гуннам пришлось столкнуться уже в первые годы их появления. Самыми значимыми из них были германские племена, прежде всего – готы.

Основным источником по истории готов является труд жившего в VI веке романизованного гота Иордана. Причем Иордан не только рассказывает о готах (гетах), но и очень подробно освещает гуннское нашествие, поэтому авторы настоящей книги будут неоднократно к нему обращаться.

Книгу свою Иордан назвал «О происхождении и деяниях гетов» (она же «Гетика»). Посвящена она, безусловно, готам, а не гетам. Но готы пришли в Италию через земли гетов, названия этих племен звучали для римлян очень похоже, и некоторые историки их путали¹⁶⁴.

Согласно Иордану, в далекой древности готы обитали на «острове Скандзы» – так он называет Скандинавию. «С этого самого острова Скандзы, как бы из мастерской, [изготавливающей] племена, или, вернее, как бы из утробы, [порождающей] племена, по преданию вышли некогда готы с королем своим по имени Бериг»¹⁶⁵.

Готы высадились на балтийском побережье в дельте Вислы¹⁶⁶. По информации Иордана, они пришли сюда на трех кораблях. Три корабля, видимо, символизируют три большие группы, на которые позднее разделились готские племена: остготы (остроготы, или гревтунги¹⁶⁷), вестготы (везеготы, или тервинги) и гепиды. Сойдя на берег, готы разбили германские племена ульмеругов (островных ругов, живших на островах дельты¹⁶⁸) и вандалов и обосновались в их землях, а побежденные ими народы двинулись на юг. Напуганные готами вандалы за один лишь год сумели дойти до Дуная и поселились на левобережье Тисы (левый приток Дуная)¹⁶⁹. По прошествии пяти поколений готы тоже отправились на юг и заняли обширные причерноморские территории от Дона до Дуная, а позднее и земли, лежащие между Дунаем и Балканами, – то есть земли гетов.

Сообщения Иордана о продвижении готов, а также теснимых ими народов в целом подтверждаются другими источниками, в том числе археологическими, если не считать одного весьма курьезного разногласия: согласно «Гетике», готы обосновались в дельте Вислы примерно в XV веке до н. э.¹⁷⁰, а в Скифии – на пять поколений (то есть примерно на полтора века) позже. Иордан связывает их дальнейшую историю с героями Троянской войны, с легендарными амазонками, с персидскими царями Киrom и Дарием... – со множеством мифических и исторических персонажей, живших в те времена, когда никаких готов в Причерноморье заведомо не было и быть не могло.

Иордану, видимо, очень хотелось доказать родственные связи своего народа с величайшими героями греческого эпоса. Но, согласно археологическим данным, готы появились

¹⁶⁴ *Скржинская*. Иордан. С. 9. Прим. 1. Неизвестно, знал ли Иордан – гот по происхождению и римлянин по образованию и культуре – разницу между готами и гетами. Во всяком случае, готы в глазах римлян были чужим варварским племенем, а геты – народ, издревле обитавший между Балканами и Дунаем, – племенем близким и сравнительно цивилизованным. И Иордан исходил из того, что геты и готы – это одно и то же. Такая посылка, вероятно, должна была придать готам некоторую связь с древней средиземноморской цивилизацией (*Шукин*. Готский путь. С. 21 – 22). Она же позволила Иордану заявить, что «среди всех варваров готы всегда были едва ли не самыми образованными, чуть ли не равными грекам» (Iord., Get., 21), – сказать такое о древних германцах было бы сильным преувеличением, но что касается гетов, доля истины в этом имелаась.

¹⁶⁵ Iord., Get., 25.

¹⁶⁶ *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 2001. С. 187, прим. 63.

¹⁶⁷ Марцеллин и многие древние и современные историки отождествляют гревтунгов с остготами, но в последнее время наметилась тенденция различать эти готские племена (*Безуглов*. Аланы-танайты. С. 81). Поскольку настоящая книга посвящена гуннам, а не готам, авторы решили не заострять на этом внимание и следовать точке зрения Марцеллина, на которого они часто опираются и ссылаются.

¹⁶⁸ *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 2001. С. 194, прим. 64.

¹⁶⁹ Iord., Get., 114 и *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 2001. С. 262, прим. 360.

¹⁷⁰ О хронологии «Гетики» см.: *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 2001. С. 373 – 374, прим. 828.

на берегах Вислы примерно на полторы тысячи лет позже, чем пишет готский хронист, – вероятно, во второй половине I века или начале II века н. э.¹⁷¹ А в Причерноморье они пришли в конце II или в начале III века¹⁷². Именно эти события иногда считают началом эпохи Великого переселения народов.

Вестготы заняли земли между Днестром и Дунаем. На севере их соседями стали гепиды (их Иордан тоже считал готским племенем), на западе – вандалы, которых готы в свое время вытеснили с берегов Вислы. При этом вестготы оказались близки к западным рубежам Римской империи, а кое-где и прямо граничили с ней.

Остготы обосновались восточнее Днестра¹⁷³. Они создали мощный племенной союз, который подчинил племена сарматов на востоке. В середине III века остготы сильно продвинулись на юго-восток – разгромили Танаис, основали поселения в дельте Дона¹⁷⁴.

В степях Северного Причерноморья и Поднепровской Лесостепи археологами была давно выделена самобытная черняховская культура, существовавшая в III – IV веках н. э. Ее население ряд советских историков связывал со славянами. Однако к настоящему времени ученые единодушны в том, что памятники черняховцев оставлены именно готами, известными по письменным источникам.

Некоторые военные операции остготы и вестготы проводили объединенными силами (по крайней мере до середины III века), с ними вместе могли идти и покоренные ими племена. Древние авторы, описавшие эти походы, мало утруждали себя заботой о точности этнонимов и зачастую называли всех выходцев из Причерноморья, включая недавно поселившихся там готов, «скифами». Поэтому сегодня мы далеко не всегда можем сказать, какие именно племена готов и их союзников участвовали в конкретных военных операциях. Во всяком случае, операций этих было очень много, и ко временам гуннского нашествия значительная часть Восточной Европы или находилась под властью готов, или уже была ими разорена и оставлена, или жила в постоянном страхе перед их возможным вторжением¹⁷⁵.

Готы постоянно совершали набеги на римские территории, а иногда участвовали в разного рода междоусобицах римлян и в их военных кампаниях. Римляне время от времени заключали с готами соглашения о том, что варвары за продовольствие и деньги будут охранять западные границы империи, но мир каждый раз оказывался непрочным. Римляне уклонялись от обещанных выплат, а готы вторгались на территорию своего великого соседа. В 248 году они разорили Мёзию и Фракию, в 253 году – дошли до Фессалоник, в 255 году – захватили Дакию, которую римляне так и не сумели отбить¹⁷⁶.

В 60-е годы IV века, незадолго до гуннского нашествия, готы поддержали восстание Прокопия и были разбиты Валентом II, но углубляться в готские земли император не рискнул и подчинить готов не сумел. Он заключил мир с вестготским королем Атанарихом, при этом соглашение об охране готами римских рубежей было отменено, сама же граница, как и прежде, пролегла по Дунаю.

Остготами в это время правил Германарих (Эрменрих), которого Марцеллин называет «весьма воинственным царем» – его «страшились соседние народы из-за его многочисленных и разнообразных военных подвигов»¹⁷⁷. Германарих расширил границы своей державы,

¹⁷¹ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 2001. С. 188, прим. 66; Шуклин. Готский путь. С. 26.

¹⁷² Шуклин. Готский путь. С. 26.

¹⁷³ Подробнее о расселении остготов и вестготов см.: Гудкова. Грейтунги.

¹⁷⁴ Гудименко. Этнополитическая ситуация.

¹⁷⁵ Буданова. Готы. С. 84 и сл.

¹⁷⁶ Шуклин. Готский путь. С. 135 – 139.

¹⁷⁷ Amm. Marc., XXXI. 3. 1.

по сообщению Иордана (явно преувеличенному), до самого Балтийского моря¹⁷⁸. Впрочем, государством в римском (и нашем, современном) смысле держава Германариха, вероятно, не была. У нее не имелось четких границ – королю подчинялись, вероятно, лишь жители речных долин. Не могло быть и единого законодательства (хотя на него и намекает Иордан). Власть Германариха ограничивалась тем, что подчиненные народы платили ему какую-то дань и оказывали в случае необходимости военную помощь¹⁷⁹.

И Германариху, и его западному соседу Атанариху вскоре пришлось принять на себя натиск гуннов. Причем Германариху это стоило власти, а потом и жизни.

Римская империя и готские племенные союзы были главными политическими силами, с которыми столкнулись гунны в своем движении на запад. Но существовали в Европе и другие народы, которым пришлось встретить натиск гуннов. Прежде всего среди них надо назвать алан – хотя бы потому, что они первыми пострадали от захватчиков.

Кочевники аланы появились в степях Восточной Европы с востока в I веке н. э. Они вытеснили на запад и частично ассимилировали своих родственников сарматов и поселились в степном поясе, от Каспия до Дуная, в том числе в Предкавказье. Создавать свое государство аланы не стали и жили независимыми друг от друга племенами.

Разница между аланами и сарматами трудноуловима, не даром археологи называют культуру алан средне- и позднесарматской, или сармато-аланской. И те, и другие представляли собой разные волны переселения близких друг другу ирано-язычных индоевропейцев. Некоторые историки считают собственно аланами лишь тех, кто обосновался в степях и предгорьях между Каспием и Доном. Марцеллин сообщает, что аланы живут за Танаисом¹⁸⁰ (в его время эти земли относили к Азии) и что «в разбоях и охотах они доходят до Меотийского моря и Киммерийского Боспора¹⁸¹ с одной стороны и до Армении и Мидии с другой»¹⁸². В то же время он различает «европейских» алан¹⁸³ и алан, происходивших от «древних массагетов»¹⁸⁴ – народа, обитавшего в Прикаспии. Этих, последних, алан он, видимо, отождествляет с упомянутыми им же аланами-танаитами¹⁸⁵ – народом, который жил восточнее Танаиса и первым принял на себя натиск гуннов. Впрочем, Марцеллин сам признает, что называет аланами в широком смысле самые разнообразные племена: по его словам, аланы «подчинили себе в многочисленных победах соседние народы и распространили на них свое имя...»¹⁸⁶.

Марцеллин пишет: «Аланы, разделенные по двум частям света, раздроблены на множество племен, перечислять которые я не считаю нужным. Хотя они кочуют, как номады, на громадном пространстве на далеком друг от друга расстоянии, но с течением времени они объединились под одним именем и все зовутся аланами вследствие единообразия обычаев, дикого образа жизни и одинаковости вооружения».

Историк описывает алан как типичных кочевников:

«Нет у них шалашей, никто из них не пашет; питаются они мясом и молоком, живут в кибитках, покрытых согнутыми в виде свода кусками древесной коры, и перевозят их по бесконечным степям. Дойдя до богатой травой местности, они ставят свои кибитки в круг

¹⁷⁸ Iord., Get., 116 – 120 и Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 2001. С. 265 – 268, прим. 367, 370, 376.

¹⁷⁹ Циркин. Античные. С. 260.

¹⁸⁰ Amm. Marc., XXXI. 2. 13.

¹⁸¹ Керченский пролив.

¹⁸² Amm. Marc., XXXI. 2. 21.

¹⁸³ Amm. Marc., XXII. 8. 42.

¹⁸⁴ Amm. Marc., XXXI. 2. 12.

¹⁸⁵ Amm. Marc., XXXI. 3. 1.

¹⁸⁶ Amm. Marc., XXXI. 2. 13.

и кормятся, как звери, а когда пастбище выедено, грузят свой город на кибитки и двигаются дальше. В кибитках сходятся мужчины с женщинами, там же рождаются и воспитываются дети, это — их постоянные жилища, и куда бы они ни зашли, там у них родной дом. Гоня перед собой упряжных животных, они пасут их вместе со своими стадами, а более всего заботы уделяют коням. Земля там всегда зеленеет травой, а кое-где попадаются сады плодовых деревьев. Где бы они ни проходили, они не терпят недостатка ни в пище для себя, ни в корме для скота, что является следствием влажности почвы и обилия протекающих рек. Все, кто по возрасту и полу не годятся для войны, держатся около кибиток и заняты домашними работами, а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором для мужчины ходить пешком, и все они становятся вследствие многообразных упражнений великолепными воинами».

Интересно сообщение Марцеллина, что аланы «во всем похожи на гуннов, но несколько мягче их нравами и образом жизни». Не вполне понятно, какое сходство имеется в виду, надо полагать, что не внешнее, — ведь, по словам историка, «почти все аланы высокого роста и красивого облика, волосы у них русоватые». Что же касается сравнительной «мягкости» аланских нравов, то надо иметь в виду, что сам Марцеллин пишет следующее:

«Как для людей мирных и тихих приятно спокойствие, так они находят наслаждение в войнах и опасностях. Счастливым у них считается тот, кто умирает в бою, а те, что доживают до старости и умирают естественной смертью, преследуются у них жестокими насмешками, как выродки и трусы. Ничем они так не гордятся, как убийством человека, и в виде славного трофея вешают на своих боевых коней содранную с черепа кожу убитых. Нет у них ни храмов, ни святилищ, нельзя увидеть покрытого соломой шалаша, но они втыкают в землю по варварскому обычаю обнаженный меч и благоговейно поклоняются ему, как Марсу, покровителю стран, в которых они кочуют»¹⁸⁷.

Во всяком случае, сходства алан с гуннами вполне хватило для того, чтобы аланы присоединились к гуннскому союзу и в значительной степени смешались со своими завоевателями. Марцеллин по этому поводу писал: «И вот гунны, пройдя через земли аланов, которые граничат с гревтунгами и обычно называются танаитами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе»¹⁸⁸. Но к гуннскому нашествию мы перейдем в следующей главе. А сейчас, чтобы закончить краткий обзор тех народов и политических сил, с которыми столкнулись гунны в Европе, скажем несколько слов о Северном Причерноморье и Крыме.

Северное Причерноморье издавна было колонизовано греками. Они основали на берегах Черного и Азовского морей множество торговых городов-полисов со смешанным греко-варварским населением и смешанной же культурой. Греческие поселения доходили до окрестностей современного Новороссийска и устья Дона. Крупнейшими из них были Ольвия (возле устья Южного Буга), Херсонес (в черте современного Севастополя) и ряд городов Боспорского царства.

Боспорское царство, возникшее еще в V веке до н. э., объединяло греческие города, лежавшие по обе стороны Боспора Киммерийского (Керченского пролива). Самыми значимыми центрами его были Пантикапей, Фанагория, Гермонасса, Горгиппия. На северо-востоке форпостом, оторванным от основной территории, был Танаис в устье Дона. Примерно с рубежа эр весь этот регион находился в той или иной степени зависимости от Римской империи. В основном здесь обитало греко-варварское население, а среди варваров преобладали сарматы.

¹⁸⁷ Описание алан: Amm. Marc., XXXI. 2. 17 – 25.

¹⁸⁸ Amm. Marc., XXXI. 3. 1.

В середине III века готы разгромили Танаис, Горгиппию и многие другие города Боспорского царства и всего Северного Причерноморья и стали использовать побережье как базу для морских походов по Черному и Средиземному морям. В начале 70#х годов того же века император Аврелиан разбил готов, и в регионе восстановился некоторый порядок. Готы прекратили свои набеги, хотя и сохранили контроль над значительной частью Крыма.

Ко второй половине IV века крымские готы обитали в основном в Горном Крыму – археологи находят здесь множество погребений с характерным для них обрядом трупосожжения. Число алан в Крыму тоже увеличилось – они, вероятно, выступали в союзе с готами, и часть их переселилась на полуостров из Предкавказья. Степи же Крыма в предгуннское время населяли немногочисленные кочевые сарматские племена, родственные аланам¹⁸⁹.

Греческие города Северного Причерноморья и их сельскохозяйственная округа так и не смогли оправиться после готского разгрома. Отметим, что долгое время историки связывали упадок этого региона с пришедшими сюда позднее гуннами. Но в последнее время возобладала точка зрения, что упадок здесь начался значительно раньше, еще в III веке¹⁹⁰. Более или менее успешно пережил это трудное время лишь Херсонес, который постепенно усиливал свое влияние в Крыму.

Очень тяжело пришлось Боспорскому царству. В IV веке международная торговля, которая составляла основу боспорской экономики, пришла в упадок. А вместе с ней пришло в упадок и само царство. После 330 года здесь прекратилась чеканка своих денег. Археологи отмечают, что гробницы знатных боспорян, которые раньше поражали своей роскошью, стали гораздо скромнее. В ожидании очередных врагов боспорянам пришлось строить новые военные укрепления¹⁹¹. Территория государства после ряда неудачных войн была урезана¹⁹² и включала в себя только Керченский и Таманский полуострова, да и то не полностью¹⁹³.

В 362 году, по сообщению Марцеллина, жители Боспора отправили императору Юлиану посольство с просьбой о мире и военной поддержке: они молили, «чтобы за внесение ежегодной дани им позволено было мирно жить в пределах родной их земли»¹⁹⁴. Нельзя исключить, что боспоряне решили прибегнуть к римской помощи потому, что они уже знали о появлении гуннов в Прикаспии (о том, когда именно гунны начали свою экспансию, ведутся споры; существует мнение, что они вступили на земли алан еще в 50#х годах IV века¹⁹⁵).

Неизвестно, согласились ли римляне помочь боспорянам, скорее всего, нет – империя сама переживала не лучшие времена. Впрочем, в ближайшие десятилетия Боспорское царство не слишком пострадало от гуннского нашествия. Как показали археологические исследования последних лет, те слои пожаров и разрушений, которые раньше считались слоями гуннского вторжения 70#х годов IV века, на самом деле датируются значительно более поздним временем¹⁹⁶. Но на этом вопросе авторы подробнее остановятся ниже.

¹⁸⁹ Айбабин. Степь и Юго-Западный Крым.

¹⁹⁰ Паромов. Памятники ранневизантийской эпохи. С. 151.

¹⁹¹ Гайдукевич. Боспорское царство. С. 462 – 464; Анохин. История Боспора. С. 175 – 178.

¹⁹² Const. Porph., De adm. imp., 53.

¹⁹³ Болгов. Закат. С. 26.

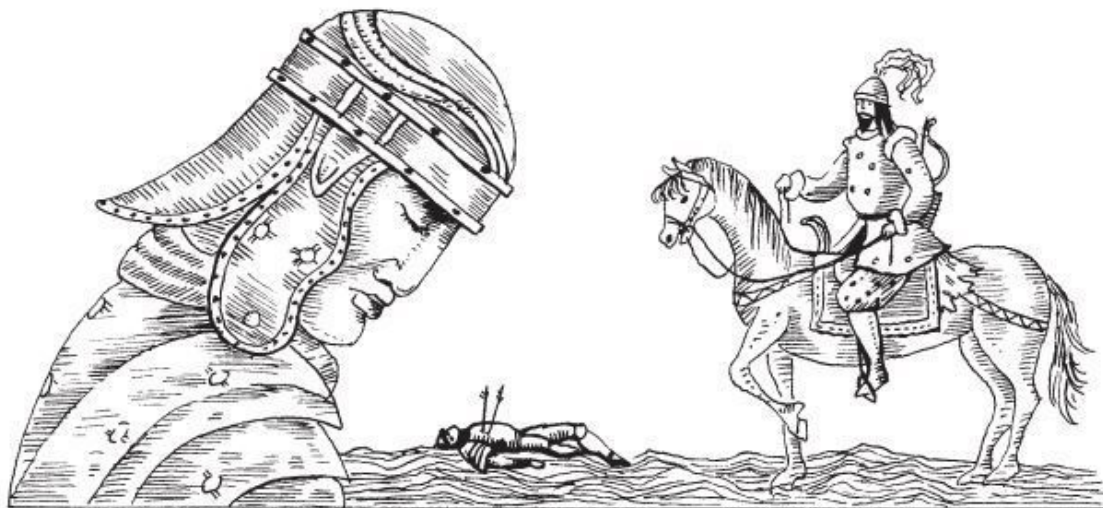
¹⁹⁴ Amm. Marc., XXXII. 7. 10.

¹⁹⁵ История Дона, http://hist.citl.cc.rsu.ru/Don_NC/Middle/Gunni.htm.

¹⁹⁶ Сазанов, Иващенко. К вопросу о датировках. С. 100; Сазанов. О хронологии. С. 58.

Глава 4

Появление гуннов в Европе

Историк начала V века Олимпиодор сообщает, что в царствование императора Констанция (вероятно, Констанция II, который правил до 361 года) во Фракии был найден серебряный клад. Об этом доложили римскому наместнику, и он, прибыв на место находки, «узнал от окрестных жителей, что место это свято и что здесь есть изваяния, освященные по древнему обряду». Святость клада не смутила римлян, и по приказу императора из земли были извлечены три серебряные статуи. «...Они лежали во всем своем варварском обличье с заведенными за спину обеими руками, одетые в причудливо украшенную варварскую одежду, с длинными волосами, обращенные на север, т. е. в сторону варварской земли».

Как выяснилось, изваяния эти были «заговоренными» и имели магическое предназначение: охранять границы от вражеских нашествий: ведь «число статуй – три – заклиняло от всех варварских племен». Через некоторое время стало ясно, что по крайней мере от трех племен – готов, сарматов и гуннов, по числу идолов – святилище действительно охраняло. После того как статуи были вынуты из земли, началось нашествие этих племен на территорию империи.

Олимпиодор пишет, что вторжение варваров началось через несколько дней после осквернения святилища¹⁹⁷. Это, безусловно, преувеличение. Завоевание гуннами сарматов действительно пришлось, судя по всему, примерно на те годы, когда злополучные статуи были извлечены из#под земли, но бои тогда еще шли далеко на востоке, за пределами римских границ. Тем не менее, именно так объясняет гуннское нашествие язычник Олимпиодор¹⁹⁸.

В те же самые годы другой историк и современник этих событий, христианский теолог Павел Орозий, тоже объяснял вторжение варваров в пределы империи сверхъестественными причинами, но считал, что оно произошло «в результате гнева Божьего». Гнев же этот был

¹⁹⁷ Olimp., 27.

¹⁹⁸ Существует также мнение, что статуи, о которых идет речь, были найдены в царствование Констанция III, чье недолгое правление относится к 421 году (Болгов Н. Н. Прим. к 422 году // Марцеллин Комит. Хроника. Белгород, 2010). Но авторам настоящей книги это представляется не слишком резонным, потому что к тому времени многочисленные варварские племена давно уже гуляли по всей территории Римской империи.

вызван нечестивыми деяниями императора Валента II, который, будучи арианином, «начал по всему Востоку терзать церкви и убивать святых»¹⁹⁹, исповедовавших Никейский символ веры. Кроме того, когда готы обратились к Валенту с просьбой прислать к ним епископов «для наставления в правилах христианской веры», Валент «в пагубной извращенности отправил к ним учителей арианской догмы»²⁰⁰.

Впрочем, по мнению Орозия, существовала и другая причина, по которой Божьим соизволением варвары начали громить империю. Историк допускает, что «ради того варвары были впущены в римские земли, чтобы повсюду от востока до запада церкви Христа пополнились в качестве верующих гуннами, свевами, вандалами, бургундионами и другими бесчисленными народами...»²⁰¹.

Забегая вперед, отметим, что если правота Олимпиодора остается на его совести, то правоту последнего утверждения Орозия время частично подтвердило: многие варварские народы, вторгшиеся на территорию империи, очень скоро приняли крещение. Но гунны в годы своего господства в Европе в основном сохранили веру предков, христианизация коснулась лишь немногих из них.

Но какими бы причинами ни объяснялось нашествие гуннов в Европу, оно произошло. Началось оно незадолго до 375 года – если, на античный манер, считать границей Европы и Азии реку Танаис. Если же принять современные географические представления и считать, что к Европе относятся в том числе земли, расположенные между Каспием и Азовским морем, то здесь гунны, возможно, появились несколько раньше.

Первым, кто описал вторжение гуннов в римскую ойкумену, был Аммиан Марцеллин. Дойдя в своей «Римской истории» до 375 года, он пишет: «Фортуна со своим крылатым колесом, вечно чередуя счастливые и несчастные события, вооружала Беллону вместе с Фуриями²⁰² и перенесла на Восток горестные события, о приближении которых возвещали совершенно ясные предсказания и знамения»²⁰³. «Семенем и началом» грядущих несчастий Марцеллин называет гуннов.

«Племя гуннов, о которых древние писатели осведомлены очень мало, обитает за Меотийским болотом в сторону Ледовитого океана и превосходит своей дикостью всякую меру.

<...> Этот подвижный и неукротимый народ, воспламененный дикой жадной грабежа, двигаясь вперед среди грабежей и убийств, дошел до земли аланов <...>. И вот гунны, пройдя через земли аланов, которые граничат с гревтунгами и обычно называются танайтами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе. При их содействии они смело прорвались внезапным нападением в обширные и плодородные земли Германариха, весьма воинственного царя, которого страшились соседние народы, из-за его многочисленных и разнообразных военных подвигов. Пораженный силой этой внезапной бури, Германарих в течение долгого времени старался дать им решительный отпор и отбиться от них...»²⁰⁴

Когда именно происходили эти события, Марцеллин не уточняет. Несмотря на то что в его книге они описаны под 375 годом, ясно, что описание это ретроспективно. Завоевание гуннами алан могло длиться не один год. Да и владыка остготов, Германарих, отбивался от пришельцев с востока «в течение долгого времени». Обычно считают, что гунны стали теснить алан примерно в середине IV века или чуть позже, а окончательно завоевали их в

¹⁹⁹ Oros., VII. 33. 9.

²⁰⁰ Oros., VII. 33. 16.

²⁰¹ Oros., VII. 41. 8.

²⁰² Беллона – римская богиня войны, Фурии – богини мести и раздора.

²⁰³ Amm. Marc., XXXI. 1. 1.

²⁰⁴ Amm. Marc., XXXI. 2. 1 – 3. 2.

начале 370-х годов²⁰⁵, после чего пришла очередь остготов. Отечественный археолог М. Б. Щукин датирует начало гуннского нашествия – то есть их первые столкновения с аланами и с готами Германариха – временем позже 369-го, но, вероятно, раньше 376 года²⁰⁶.

Н. Н. Болгов допускает, что первые контакты римлян с гуннами могли состояться уже в 362 году. Именно к этому году относится упоминавшееся нами в прошлой главе сообщение Марцеллина о том, что боспоряне отправили посольство Юлиану Отступнику. Дело в том, что, согласно римскому историку, к императору прибыли послы не только от боспорян, но и от «других неведомых ранее народов». Болгов считает, что «это были, скорее всего, представители каких-то племен гуннского союза»²⁰⁷. Впрочем, авторам настоящей книги такая трактовка представляется несколько вольной. Послы эти, как сообщает Марцеллин, прибыли «с мольбой о том, чтобы за внесение ежегодной дани им позволено было мирно жить в пределах родной их земли». Но территория, на которой в те годы, возможно, уже обитали гунны, отнюдь не была для них родной. А главное, совершенно непонятно, зачем гуннам, о которых римляне тогда еще и слыхом не слыхивали, нужно было разрешение римского императора на то, чтобы жить в землях, которые никоим образом не контролировались римлянами. Ведь Боспор был крайним северо-восточным форпостом римского влияния. Дальше шли земли независимых алан, которых гунны еще не успели подчинить (по крайней мере, полностью подчинить), – это была уже граница римской ойкумены.

Успехам гуннов в борьбе с аланами мог предшествовать период их более или менее стабильного сосуществования. Иордан пишет о гуннах: «Этот свирепый род, <...> расселившись на дальнем берегу Меотийского озера, не знал никакого другого дела, кроме охоты, если не считать того, что он, увеличившись до размеров племени, стал тревожить покой соседних племен коварством и грабежами»²⁰⁸. Вероятно, гунны, прежде чем перейти к решительным действиям, некоторое время обитали в Азово-Каспийском междуморье, накапливая силы и вступая с аланами в мелкие стычки²⁰⁹. Современные им западные авторы не сообщали об этом по той простой причине, что местность к востоку от Меотиды им вообще была очень плохо знакома. Недаром и Марцеллин признает, что о племени гуннов «древние писатели осведомлены очень мало». При этом под «древними писателями» он, вероятно, имеет в виду всех своих предшественников вплоть до современников, потому что сам Марцеллин был практически первым, кто рассказал о гуннах. До него, как мы уже говорили в главе «Темные века», об этом племени имелись лишь случайные и мало достоверные упоминания. Поэтому для римлян, и вообще для жителей греко-римской ойкумены, нашествие гуннов, да и само появление их в Европе казались неожиданными и внезапными.

Возможно, у алан была другая точка зрения на этот счет, но она не дошла до наших дней (хотя бы потому, что у них не было письменности). Что же касается просвещенных жителей Запада, то их взгляд на это нашествие выразил Павел Орозий, писавший: «...Народ гуннов, долго живший за неприступными горами, охваченный внезапной яростью, вспламенился против готов и, приведя их в полное смятение, изгнал с прежних мест поселения»²¹⁰. Византийский историк Зосим в V веке описывает «варварское племя, раньше не известное и тогда внезапно появившееся»²¹¹. Примерно о том же пишет и Марцеллин – он рассказывает, как среди готских племен «распространилась молва о том, что неведомый дотоле род

²⁰⁵ Артамонов. История хазар. С. 44 – 45; Томпсон. Гунны. С. 38.

²⁰⁶ Щукин. Готский путь. С. 229, 232 – 233.

²⁰⁷ Болгов. Закат. С. 43.

²⁰⁸ Iord., Get., 123.

²⁰⁹ Гадло. Этническая история. С. 12 – 13.

²¹⁰ Oros., VII. 33. 9.

²¹¹ Zos., IV. 20. 3.

людей, поднявшись с далекого конца земли, словно снежный вихрь на высоких горах, рушит и сокрушает все, что попадает на встречу»²¹².

Войны гуннов с аланами описаны современниками не слишком подробно – эти события еще происходили на самом краю, если не за краем ойкумены. Поэтому Иордан приводит довольно странное объяснение гуннских побед: «Может быть, они побеждали их не столько войной, сколько внушая величайший ужас своим страшным видом; они обращали их [алан] в бегство, потому что их [гуннов] образ пугал своей чернотой, походя не на лицо, а, если можно так сказать, на безобразный комок с дырами вместо глаз»²¹³.

Но вскоре военные действия передвинулись к западу. Впрочем, первый этап этого передвижения, описанный многими авторами, носит еще мифологический характер. Обычно сообщается, что гунны жили на азиатском берегу Меотиды и не питали никаких надежд перебраться на европейский берег. Но однажды гуннские охотники, преследовавшие оленя, увидели, что животное кинулось в воду и вброд перебежало на другую сторону. Вдохновленные его примером, гунны последовали за ним и начали завоевание Европы. Иногда вместо оленя в рассказе фигурирует корова, убегающая от своего пастуха. Но так или иначе, благодаря смышленому животному гунны догадались, что водное пространство преодолимо.

Прокопий рассказывает, что гунны жили на берегу «Меотийского Болота» и его «устья» – Керченского пролива. «...Они никогда не переправлялись через эти воды, да и не подозревали, что через них можно переправиться; они имели такой страх перед этим столь легким делом, что даже никогда не пытались его выполнить, совершенно не пробуя даже совершить этот переезд». Но однажды несколько юношей-охотников погнались за ланью, которая «бросилась в эти воды». Юноши ринулись за ней – Прокопий предполагает, что «их побудила к этому какая-либо таинственная воля божества», – и достигли противоположного берега. Животное тотчас же исчезло, «но юноши, потерпев неудачу в охоте, нашли для себя неожиданную возможность для новых битв и добычи». Вернувшись обратно, они поставили своих соплеменников в известность, «что для них эти воды вполне проходимы». После чего, «взвзвись тотчас же всем народом за оружие, они перешли без замедления “Болото” и оказались на противоположном материке»²¹⁴.

Вся эта история напоминает античный рассказ о превращенной в корову любовнице Зевса Ио, которая, гонимая оводом, тоже пересекла Боспор Киммерийский²¹⁵ (слово «Боспор» в переводе с греческого и означает «коровий брод»). Современные ученые высказывали предположение, что именно литературная история Ио легла в основу предания о гуннском переходе через Боспор²¹⁶.

Прокопий высказывает дополнительное соображение о том, что животное это явилось специально, чтобы «причинить несчастье» варварам, обитавшим на другой стороне Болота²¹⁷. Зачем злокозненное животное задалось такой целью, историк не объясняет. Иордан на этот счет пишет: «Я полагаю, что сделали это, из-за ненависти к скифам, те самые духи, от которых гунны ведут свое происхождение»²¹⁸ (напомним, что по версии Иордана гунны произошли от связи готских колдуний и «нечистых духов», скифами же Иордан, видимо, называл жителей Скифии, независимо от их племенной принадлежности).

²¹² Amm. Marc., XXXI. 3. 7.

²¹³ Iord., Get., 127.

²¹⁴ Procop., Bell. Goth., IV. 5. 4 – 10.

²¹⁵ Aesch., Prom., 729 – 734; мифограф Аполлодор считает, что Ио пересекла Боспор Фракийский – современный Босфор (Apollod., II. 1. 3).

²¹⁶ Гадло. Этническая история. С. 16 – 17.

²¹⁷ Procop., Bell. Goth., IV. 5. 9.

²¹⁸ Iord., Get., 124.

Несмотря на всю легендарность истории с коровой или оленем, гунны так или иначе действительно оказались в Европе, то есть по другую сторону Танаиса и Меотиды. Древние авторы дают противоречивые указания, где именно гунны форсировали водную преграду и как им это удалось. Зосим пишет: «Я нашел и такое известие, что Киммерийский Боспор, занесенный илом из Танаиса, дал им [возможность] перейти сухим путем из Азии в Европу»²¹⁹. Прокопий тоже говорит, скорее, об «устье» Меотиды, то есть местах, близких к проливу или о самом проливе. По Иордану же «охотники пешим ходом перешли Мэотийское озеро»²²⁰. Церковный историк V века Эрмий Созомен писал, что между гуннами и европейским берегом лежало величайшее озеро, которое они почитали «концом земли, за которым уже – море и беспредельное пространство вод». В таком случае речь никак не могла идти о проливе, с одного берега которого прекрасно виден другой. Прямо на этом озере гунны и нашли «дорогу, по поверхности закрытую водою»²²¹.

Пересечь вброд все Азовское море гуннам, пожалуй, было бы трудно, но сам пролив в древности был далеко не так неприступен, как сегодня. У авторов настоящей книги нет данных о его глубине в гуннское время, но известно, что в середине второго тысячелетия до н. э. уровень его был примерно на 4 метра ниже, чем сегодня. Из этого некоторые исследователи даже делают вывод, что глубина пролива тогда не превышала полутора – двух метров. Вывод этот весьма спорный, потому что в таком случае античные торговые корабли, нередко имевшие осадку около двух метров, попросту не могли бы пройти в Меотиду и достигнуть, например, Танаиса. Видимо, слой донных отложений в те годы тоже был меньшим и глубина фарватера во всяком случае превышала два метра. Но зато и сам пролив был значительно уже за счет многочисленных кос, отмелей и островов. Во всяком случае, форсировать его было легче, чем сегодня²²².

Гунны могли перейти из Азии в Европу и через Таганрогский залив, лежащий в восточной части Азовского моря. Сегодня его средняя глубина составляет около пяти метров, но при сильном ветре-«верховке» воду из залива буквально выдувает в море, и дно частично обнажается. В гуннские времена уровень моря был ниже, а значит, и пересечь залив было легче. Кроме того, и залив, и все Азовское море, и Керченский пролив в сильный мороз могут покрыться достаточно толстым слоем льда. Страбон на рубеже эр так описывал зимний Боспор Киммерийский: «Морской путь из Пантикапея в Фанагорию становится доступным для повозок, так что это не только морское путешествие, но и сухопутное». Он же сообщил, что на льду пролива разыгралось конное сражение между варварами и войсками Митридата²²³. И это значит, что гуннская конница вполне могла перейти Боспор по льду – правда, легенда говорит именно о бросе.

Как правило, сообщения древних авторов о переходе гуннов в Европу трактовались как переход через пролив, а не через море. Некоторые из них прямо упоминают Боспор Киммерийский. Еще сравнительно недавно мысль о том, что по крайней мере одна из групп гуннской орды (возможно, основная) двигалась на запад через Крым, совпадала с точкой зрения ученых, интерпретировавших археологические материалы Боспора. Считалось, что отмеченные здесь мощные слои разрушений и пожаров связаны именно с гуннским нашествием конца IV века. Но в последнее время датировка этих слоев на Тамани и в Крыму была пересмотрена – теперь их относят к VI веку²²⁴.

²¹⁹ Zos., IV. 20. 3.

²²⁰ Iord., Get., 124.

²²¹ Sozom., VI. 37.

²²² Обзор мнений см.: Буданова и др. Великое переселение. С. 186; Колтухов. Тузлинский район. С. 88.

²²³ Strab., VII. 3. 18.

²²⁴ Сазанов, Иващенко. К вопросу о датировках. С. 100; Сазанов. О хронологии. С. 58; Айбабин. Этническая история. С. 57.

Хотя гунны и захватили Боспор и большую часть Крыма, особого разгрома они там не учинили. А главное – сами следы их пребывания в Крыму датируются, вероятно, более поздним временем. Крымский археолог А. И. Айбабин предполагает, что гунны появились в Крыму лишь на рубеже IV – V веков, во время своего похода на восток (об этом походе 395 года мы будем говорить ниже)²²⁵. Отметим, кстати, что Боспорское царство сохраняло свою государственность вплоть до VI века, об этом свидетельствуют надписи, найденные в Керчи и на Таманском полуострове²²⁶. Хотя, возможно, Боспор при этом и находился под «протекторатом» гуннов²²⁷. Поскольку в начале своей экспансии гунны, вероятно, обошли Крым стороной, напрашивается предположение, что их путь в Европу пролегал по северным берегам Меотиды. Соответственно, оказались правы те из древних авторов, кто говорил о переходе гуннов через самое Меотийское озеро (вероятно, это был Таганрогский залив), а не через Боспор Киммерийский. Версия о проливе могла возникнуть потому, что он был заведомо проходим, – об этом знали еще со времен Эсхила, изложившего историю Ио, об этом подробно писал Страбон. Что же касается северо-восточного угла Меотиды, он был известен позднеантичным авторам значительно хуже. Правда, к северу от Азовского и Черного морей тоже не сохранилось явных следов движения гуннов на запад. Поэтому вопрос о том, какую именно водную преграду гунны пересекли на своем пути в Европу – Керченский пролив или Таганрогский залив, – остается в какой-то мере открытым. Конечно, нельзя исключить и того, что разные орды гуннов двигались разными путями, но версия о переходе Таганрогского залива представляется авторам настоящей книги более убедительной.

Так или иначе, незадолго до 375 года гунны ворвались в Европу. С ними вместе выступили покоренные ими аланы. Иордан сообщает:

«Всех скифов, забранных еще при вступлении, они принесли в жертву победе, а остальных, покоренных, подчинили себе. Лишь только они перешли громадное озеро, то – подобные некоему урагану племен – захватили там алпидзуров, алцилдзуров, итимаров, тункарсов и боисков, сидевших на побережье этой самой Скифии. Аланов, хотя и равных им в бою, но отличных от них [общей] человечностью, образом жизни и наружным видом, они также подчинили себе, обессилив частыми стычками»²²⁸.

Свидетельства древних авторов подтверждаются данными археологии: в последней четверти IV века позднесарматской культуре в восточноевропейских степях приходит конец²²⁹. Примерно тогда же начинается кризис черняховской культуры в Днепровской Лесостепи – готы стали следующей жертвой воинственных пришельцев (правда, финал черняховской культуры датируется уже следующим, V веком)²³⁰.

Объединенные силы кочевников напали на остготов, которые обосновались в Северном Причерноморье около двух веков назад. Остготами в те дни правил король Германарих, про которого Иордан пишет: «Немало древних писателей сравнивали его по достоинству с Александром Великим». Но по словам того же Иордана, Германарих, «хотя... и был победителем многих племен, призадумался, однако, с приходом гуннов»²³¹. Призадумался он настолько всерьез, что, как сообщает Марцеллин, «положил конец страху перед великими опасностями добровольной смертью»²³².

²²⁵ Айбабин. Этническая история. С. 73, 77.

²²⁶ Айбабин. Этническая история. С. 78, 79.

²²⁷ Храпунов. Администрация Боспора. С. 363 – 364; Яйленко. Гунноболгары.

²²⁸ Iord., Get., 125 – 127.

²²⁹ Засецкая. Культура кочевников. С. 155 – 156.

²³⁰ Щукин. К вопросу. С. 21; Гавриутхин, Обломский. К реконструкции. С. 37; Ахмедов, Казанский. После Атилы. С. 169.

²³¹ Iord., Get., 129.

²³² Amm. Marc., XXXI. 3. 2.

Иордан называет другую причину гибели готского короля. Он рассказывает о том, что Германарих приказал казнить некую женщину «за изменнический уход» от мужа. Неверную жену привязали к диким лошадям и разорвали на части, после чего братья казненной решили отомстить королю и ранили его в бок мечом. «Мучимый этой раной, король влачил жизнь больного. Узнав о несчастном его недуге, Баламбер, король гуннов, двинулся войной на ту часть [готов, которую составляли] остроготы». Впрочем, Германарих, которому уже давно перевалило за сто лет, так или иначе, навряд ли мог быть хорошим полководцем. Иордан пишет: «Германарих, престарелый и одряхлевший, страдал от раны и, не перенеся гуннских набегов, скончался на сто десятом году жизни. Смерть его дала гуннам возможность осилить тех готов, которые, как мы говорили, сидели на восточной стороне и назывались остроготами»²³³.

Иордан – единственный историк, который сохранил имя Баламбера, первого гуннского короля – победителя готов. Имя это вызывает некоторые сомнения у современных исследователей. Дело в том, что в разных сохранившихся списках «Гетики» оно фигурирует как Balamber, Balamir, Balamur, Balaber или Balambyr²³⁴. В целом все это подозрительно похоже на германское имя Валамир (Валамер) – готский король с таким именем известен в середине V века²³⁵. Германское имя гуннского вождя навело некоторых исследователей на мысль о том, что никакого гунна Баламбера не существовало вообще. С другой стороны, гуннское имя в передаче готского историка Иордана вполне могло приобрести германское звучание²³⁶, поэтому авторы настоящей книги не видят особых оснований сомневаться в существовании воинственного гуннского короля Баламбера, даже если сами гунны произносили его имя несколько иначе... Отметим попутно, что Иордан, рассказывая о том, как разные народы издревле перенимали имена друг у друга, писал: «Готы же преимущественно заимствуют имена гуннские»²³⁷.

После смерти Германариха держава его, вероятно, раскололась на части. Согласно Иордану, готскому владыке наследовали его внучатый племянник Винитарий, который «с горечью переносил подчинение гуннам», и внук покойного короля, Гезимунд, «который, помня о своей клятве и верности, подчинился гуннам со значительной частью готов» и особой горечи, судя по всему, не испытывал. Винитарий попытался проводить самостоятельную политику: он разгромил антов «и распял короля их Божа с сыновьями его и с семьюдесятью старейшинами для устрашения...»²³⁸.

О том, кто такие анты, историки спорят давно, в последнее время преобладает версия, что они были славянами. Вопрос о том, кого мог в данном контексте иметь в виду Иордан, стоит отдельно – как мы уже говорили, древние хронисты весьма вольно обращались с этнонимами. Не исключено, что речь идет не о славянском, а о каком-то гуннском или аланском племени²³⁹, которое Иордан назвал антами лишь по ошибке. Так или иначе, Баламбер не потерпел самоуправства своего вассала. Он призвал на помощь покорного ему Гезимунда с его готами, и объединенное войско напало на Винитария. «Долго они бились; в первом и во втором сражениях победил Винитарий. Едва ли кто в силах припомнить побоище, подобное тому, которое устроил Винитарий в войске гуннов! Но в третьем сражении, когда оба [противника] приблизились один к другому, Баламбер, подкравшись к реке Эрак (вероятно, Ниж-

²³³ Iord., Get., 129 – 130.

²³⁴ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 2001. С. 323, прим. 613.

²³⁵ Iord., Get., 199 – 200.

²³⁶ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 2001. С. 280, прим. 390; с. 323, прим. 613.

²³⁷ Iord., Get., 59.

²³⁸ Iord., Get., 246 – 248; Щукин. Готский путь, 230 – 231.

²³⁹ Щукин. Готский путь, 230.

ний Днепр²⁴⁰. – *Авт.*), пустил стрелу и, ранив Винитария в голову, убил его; затем он взял себе в жены племянницу его Вадамерку и с тех пор властвовал в мире над всем покоренным племенем готов, но, однако, так, что готским племенем всегда управлял его собственный царек, хотя и [соответственно] решению гуннов»²⁴¹.

Готы, которыми правили Винитарий и его преемники, «подчиненные власти гуннов, остались в той же стране»²⁴². Другой потомок Германариха, некто Беремуд (Беримуд), через некоторое время «пренебрег племенем остроготов из-за гуннского господства [над ними] и последовал за племенем везеготов в Гесперийские страны». Это отступление части остготов случилось в 419 году²⁴³.

М. Б. Щукин высказал предположение, что описанная Иорданом битва между потомками Германариха с участием гуннов отражена в одной из песен Старшей Эдды – Песни о Хлёде. Правда, герои ее носят другие имена, но речь там идет о том, как после смерти некоего готского властителя борьба за власть разгорелась между его наследниками, один из которых, Ангантюр, представлял интересы готов, а второй, Хлёд, будучи готом лишь наполовину (его мать – пленная гуннская принцесса), оказался ставленником гуннского конунга Хумли. Не все географические названия этой песни поддаются расшифровке, но речь, во всяком случае, идет о Восточной Европе, вероятно, о Карпато-Дунайском регионе, что лишний раз наводит на ассоциации с текстом Иордана²⁴⁴.

Гуннский властитель Хумли предлагает Хлёду вместе напасть на готов:

Мы проведем
эту зиму в довольстве,
станем беседовать,
мед распивая;
гуннов научим
оружье готовить
и смело его
в бой понесем.

Славную, Хлёд,
соберем мы дружину,
доблестно будут
воины биться,
герои-юнцы
на двухлетках-конях,
войско такое
будет у гуннов.

Гуннское войско подступило к границе и разбило готов, которых возглавляла готская дева-воительница Хервёр, сестра обоих противоборствующих братьев. Вестник доложил Ангантюру:

С юга я прибыл

²⁴⁰ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 2001. С. 323 – 324, прим. 614.

²⁴¹ Iord., Get., 248 – 250.

²⁴² Iord., Get., 246.

²⁴³ Iord., Get., 251; Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 2001. С. 301, прим. 500.

²⁴⁴ Старшая Эдда. С. 384 – 394; с. 458, прим.; Щукин. Готский путь. С. 231.

с такими вестями:
в пламени лес,
Мюрквида чаща,
залита кровью
готов земля.

Знаю, что в битве
Хейдрека дочь,
сестра твоя, пала,
сраженная насмерть,
гунны ее
убили и с нею
воинов многих
из готского войска.

Войско самого Ангантюра было немногочисленно. Окинув взглядом свою дружину, он с горечью сказал:

Много нас было
за чашею меда,
да мало осталось
для ратного дела.

Что же касается гуннов, про них было известно следующее:

Шесть боевых
у гуннов полков,
в каждом пять тысяч,
а в тысяче – сотни
счетом тринадцать,
в каждой же сотне
вчетверо больше
воинов смелых.

Тем не менее готы выступили против своих противников. Прозаическая часть Песни рассказывает:

«На следующий день они начали битву. Они бились целый день и вечером вернулись в свои шатры. Так они сражались восемь дней <...>. День и ночь к Ангантюру подходили подкрепления со всех сторон, так что у него было не меньше народу, чем вначале. Битва стала еще жарче, чем раньше <...>. Готы защищали свою свободу и свою родину, сражаясь против гуннов, они поэтому стойко держались и подбадривали друг друга. К концу дня натиск готов стал так силен, что полки гуннов дрогнули. Увидев это, Ангантюр вышел из ограды щитов, стал во главе войска и, взяв Тюрвинг (знаменитый меч. – *Авт.*) в руки, начал рубить людей и коней. Ограда щитов вокруг конунга гуннов была прорвана, и братья сошлись друг с другом. Тут Хлёд пал, и конунг Хумли пал, и гунны обратились в бегство, а готы убивали их, и убитых было так много, что реки оказались запружены и вышли из берегов, и долины были заполнены мертвыми лошадьми и людьми и залиты кровью».

Все это более или менее согласуется с рассказом Иордана о побоище, «которое устроил Винитарий в войске гуннов». Но Песнь о Хлёде заканчивается гибелью гуннского конунга и его союзника Хлёда. Если верить Эдде, готы одержали окончательную победу:

«Ангантюр пошел тогда на поле боя посмотреть на убитых и нашел своего брата Хлёда. Тогда он сказал:

Сокровищ тебе
немало сулил я,
немало добра
мог бы ты выбрать;
битву начав,
не получил ты
ни светлых колец,
ни земель, ни богатства.

Проклятье на нас:
тебя я убил!
То навеки запомнят;
зол норн приговор!

Ангантюр долго был конунгом в Хрейдготаланде. Он был могуч, щедр и воинствен, и от него произошли роды конунгов»²⁴⁵.

Согласно Иордану, дела у готов сложились совсем иначе, и готский предводитель Винитарий был убит в третьем сражении. Да и другие источники, включая археологические, говорят о том, что гунны уверенно продвигались на запад, покоряя всех на своем пути.

Несколько иную по сравнению с Иорданом, но в общих чертах схожую картину взаимоотношений готов и гуннов рисует Марцеллин. Он пишет, что после смерти Германариха царем остготов был избран Витимир. Главным противником его в эти годы Марцеллин считает алан, которым Витимир безрезультатно пытался сопротивляться, опираясь на одно из гуннских племен, «которых он за деньги привлек в союз с собою». Существует предположение, что Витимир Марцеллина и Винитарий Иордана – это одно и то же лицо²⁴⁶. Напомним, что, согласно Иордану, Винитарий тоже некоторое время состоял в союзе с гуннами (а точнее, подчинялся им). В таком случае аланы, с которыми сражался Витимир, – это те, кого Иордан называл антами. Так или иначе, скорее всего, Витимир воевал с каким-то из племен уже зарождающегося гуннского союза, опираясь при этом на самих гуннов. В конце концов он «пал в битве, побежденный силой оружия». Сын его был еще мал, и бразды правления временно взяли на себя «Алафей и Сафрак, вожди опытные и известные твердостью духа». Однако они не смогли противостоять натиску с востока и вынуждены были отступить к берегам Днестра, где уже давно обосновались их родичи вестготы²⁴⁷.

Вестготами правил Атанарих, которого Марцеллин называет «самым могущественным в ту пору царем»²⁴⁸. Узнав о скорбной судьбе теснимых гуннами алан и остготов, он принял меры на случай, «если и на него будет сделано нападение, как на остальных». Атанарих разбил на берегах Днестра большой лагерь и занялся приготовлениями к войне, а два его передовых отряда отправились навстречу противнику в качестве разведчиков.

²⁴⁵ Старшая Эдда. С. 384 – 394; с. 458, прим.

²⁴⁶ Щукин. Готский путь, 230.

²⁴⁷ Amm. Marc., XXXI. 3. 3.

²⁴⁸ Amm. Marc., XXVII. 5. 6.

«Но дело вышло совсем не так, как он рассчитывал, – сообщает Марцеллин. – Гунны со свойственной им догадливостью заподозрили, что главные силы находятся дальше. Они обошли тех, кого увидели, и, когда те спокойно расположились на ночлег, сами при свете луны, рассеявшей мрак ночи, перешли через реку вброд и избрали наилучший образ действий. Опасаясь, чтобы передовой вестник не испугал стоявших дальше, они ринулись быстрым натиском на Атанариха». Ошеломленные неожиданным нападением, вестготы потеряли часть своего войска и отступили. Атанарих в панике начал строить на землях между Прутом и Дунаем «высокие стены». Гуннов эти постройки не слишком смущали – они продолжали теснить готского царя «и могли бы совершенно погубить его своим появлением, если бы не оставили этого дела вследствие затруднительного положения, в которое их поставило обилие добычи».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.